

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО
ДО И ПОСЛЕ ВИЛЬНЮСА**

МОСКВА 2014

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО
ДО И ПОСЛЕ ВИЛЬНИУСА**

**Доклады Института Европы
№ 301**

Москва 2014

УДК 327:061.1ЕС
ББК 66.4(4),60
В78

Редакционный совет:
Ал.А. Громько (председатель),
Е.В. Ананьева, Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией А.А. Язьковой

Рецензенты:

Рытов Александр Григорьевич, кандидат исторических наук
Фёдоров Сергей Матвеевич, кандидат политических наук

Номер государственной регистрации: № 01200905001
«Комплексное исследование развития стран и регионов
Европейского континента на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимали участие К.В. Власова,
Е.В. Дрожжина, С.А. Забелин

Восточное партнёрство до и после Вильнюса = Eastern Partnership before and after Vilnius / [под ред. А.А. Язьковой]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2014. – 94 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 301). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-032-3.

Данная публикация представляет собой сборник статей, подготовленный по материалам состоявшегося 13 ноября 2013 г. в Институте Европы круглого стола по теме «Восточное партнёрство: накануне саммита ЕС в Вильнюсе». Главной целью публикации стало освещение результатов и перспектив реализации европейской инициативы «Восточное партнёрство» в условиях мирового экономического кризиса.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-032-3

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2014

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**EASTERN PARTNERSHIP
BEFORE AND AFTER VILNIUS**

**Reports of the Institute of Europe
№ 301**

Moscow 2014

Аннотация

Предлагаемый сборник статей стал результатом проведённого в Институте Европы РАН 13 ноября 2013 г. в преддверии саммита ЕС в Вильнюсе круглого стола с участием исследователей и экспертов из ряда академических институтов и представителей соответствующих кафедр московских университетов.

Основное внимание в сборнике сконцентрировано на вопросах, посвящённых результатам и перспективам реализации европейской инициативы «Восточное партнёрство». Дается оценка пройденного программой «Восточное партнёрство» пути с точки зрения перспективности её дальнейшей реализации.

В сборнике рассматривается вопрос эволюции позиций Евросоюза в отношении программы «Восточное партнёрство» в условиях мирового экономического кризиса и проведения институциональных реформ. Значительное место в исследовании занимает анализ политики по данным вопросам таких крупных мировых и региональных внешних акторов, как США, Россия и Турция.

Annotation

The collection of articles is based on the materials of a round table discussion conducted by researchers and experts from a number of academic institutions and universities and held at the Institute of Europe on 13 November 2013 on the eve of the EU summit in Vilnius. The publication is focused on the results and the prospects for the implementation of the European initiative «Eastern Partnership». The book examines the evolution of the EU policy regarding the Eastern Partnership in the circumstances of the global economic crisis and institutional reforms in the European Union. A significant attention in the study is paid to the positions on the given issues of such major world and regional players as the U.S., Russia and Turkey.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	7
А.А. Язькова. Саммит ЕС в Вильнюсе и программа «Восточное партнёрство». Международный аспект.....	8
В.И. Мироненко. Украина и Восточное партнёрство: до и после Вильнюса.....	20
С.А. Забелин. Восточное партнёрство: от Праги до Вильнюса. Эволюция идеи.....	36
В.А. Оленченко. Вильнюсский этап Восточного партнёрства. Интересы ЕС и США.....	48
П.Е. Кандель. Несколько замечаний на полях дискуссии.....	54
В.И. Брутер. Молдова: до и после Вильнюса. Внутри- политическое измерение.....	61
Н.А. Гегелашвили. Итоги Вильнюсского саммита: кавказское измерение.....	73
Д.С. Айвазян. Россия, ЕС, США и реализация программы «Восточное партнёрство». Пример Армении.....	79
Е.А. Маслова. Позиция Италии и кризис вокруг Украины.....	88

CONTENTS

From the Editor.....	7
A.A. Yazkova. Vilnius EU Summit and Eastern Partnership Programme. International Aspect.....	8
V.I. Mironenko. Ukraine and Eastern Partnership: before and after Vilnius.....	20
S.A. Zabelin. Eastern Partnership: from Prague to Vilnius. Evolution of an Idea.....	36
V.A. Olenchenko. Eastern Partnership's Vilnius Stage. The EU and USA Interests.....	48
P.E. Kandel. Few Remarks on the Discussion Sidelines.....	54
V.I. Bruter. Moldova: before and after Vilnius. Internal Dimension.....	61
N.A. Gegelashvili. Vilnius Summit Outcomes: Caucasus Dimension.....	73
D.S. Aivazyan. Russia, the EU and USA, and the implementation of Eastern Partnership. Armenia Example.....	79
E.A. Maslova. Italian Position and Crisis in Ukraine.....	88

ОТ РЕДАКТОРА

Сегодня трудно было бы предложить для публикации более актуальную, более острую проблему, чем ситуация, сложившаяся после ноябрьского (2013 г.) саммита Европейского Союза в Вильнюсе, где предполагалось подписание Соглашений об ассоциации и создании зоны свободной торговли либо парафирование таких соглашений с рядом государств постсоветского пространства. В основу этих соглашений Евросоюзом была положена программа «Восточное партнёрство», заявленная Евросоюзом в 2009 г. На Вильнюсский саммит возлагались большие надежды, однако он потерпел очевидный неуспех из-за отказа Украины подписать ранее согласованный документ, на который Евросоюз и, как впоследствии выяснилось, США возлагали большие надежды.

Последующие события, массовые протесты в Киеве и других городах Украины в поддержку евроинтеграции и против господства авторитарного режима обнажили противоречия между Востоком и Юго-Востоком, с одной стороны, Западом и Центром Украины, с другой. В какой-то мере это было противостояние по поводу цивилизационного выбора, о чём подробно говорится в соответствующих разделах предлагаемой публикации.

На саммите в Вильнюсе были парафированы аналогичные соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с Грузией и Молдовой, подписание которых намечено на 2014 г. Предлагаемая публикация содержит разделы о ситуации в Молдове и странах Южного Кавказа, а также о международных аспектах этой острой современно проблемы.

Предлагаемый читателю сборник статей стал результатом проведённого в Институте Европы 13 ноября 2013 г. накануне саммита в Вильнюсе круглого стола с участием исследователей и экспертов из ряда академических институтов и представителей соответствующих кафедр московских университетов. Организационная работа была проведена Отделом Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН.

САММИТ В ВИЛЬНЮСЕ И ПРОГРАММА «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО»: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Состоявшийся 28-29 ноября 2013 г. в Вильнюсе саммит Европейского Союза имел своей целью подписать и парафировать ряд соглашений по программе «Восточное партнёрство» с шестью постсоветскими государствами – Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина. Официально заявленная цель программы – «содействие экономическому становлению и демократическому развитию этих стран, соблюдению в них прав человека и ликвидации негативных явлений – пренебрежение нормами закона, распространение коррупции и произвола чиновников». Предполагалось, что Украина подпишет с Евросоюзом Соглашение об ассоциации и создании Зоны свободной торговли, а Молдова и Грузия парафируют такие соглашения, т.е. окончательно согласуют их тексты. В Вильнюсском саммите приняли участие также Армения, Азербайджан и Белоруссия – последняя в качестве наблюдателя.

По итогам саммита главы государств Евросоюза и стран-партнёров приняли обширную итоговую декларацию, где основное внимание было уделено Украине. Несмотря на её отказ подписать ранее согласованный текст Соглашения об ассоциации, Европейский Союз подтвердил продолжение с ней сотрудничества «в направлении подписания соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли», имея в виду «беспрецедентную общественную поддержку политической ассоциации и экономической интеграции Украины в ЕС».

Декларация была принята ещё до развернувшихся в Киеве и ряде городов Украины массовых выступлений, но уже и тогда стало ясным, что именно Украина изначально была центральной фигурой в рамках программы «Восточное партнёрство».

Многие международные эксперты оценили Вильнюсский саммит как «саммит несбывшихся надежд». Главной неудачей,

* Язькова Алла Алексеевна, д.и.н., руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН.

по их оценке, стали неожиданные перемены в позиции Украины, что, по их общему мнению, стало «результатом давления Москвы». Москва действительно усматривала в действиях Евросоюза попытку несогласованного геополитического продвижения в географически и исторически близкий ей регион. Но Вильнюсский саммит оказался непродуктивным не только по этой причине.

Для того, чтобы понять сложившуюся вокруг подготовки и проведения саммита обстановку стоит хотя бы вкратце обрисовать характер программы «Восточное партнёрство», пути и методы её формирования.

Первоначально эта программа рассматривалась как составная часть выдвинутой в 2004 г. Европейской политики соседства (ЕПС), цель которой состояла в том, чтобы по периметру Евросоюза сформировалось кольцо дружественных ему государств, демократически развитых и не представляющих Европе угрозы. ЕПС была достаточно аморфной, включала в себя ряд стран Южного Средиземноморья, а также, наряду с ними, расположенные на границе ЕС государства Восточной Европы, Россию и Турцию.

Развивая эту инициативу, весной 2008 г. Польша и Швеция предложили специальную программу для шести государств постсоветского пространства, в которой детализировались задачи их постепенного приближения к нормам Евросоюза, т.е. «создания хорошо управляемых, демократических, экономически свободных обществ, в которых соблюдаются права человека». Значительная часть населения этих государств восприняла идею «вхождения в Европу» с энтузиазмом – не совсем понимая, какие обязательства необходимо взять на себя, чтобы добиться в своей повседневной жизни установления европейских правовых и трудовых норм.

По поводу причин выдвижения этой программы высказывались различные суждения. Испанская «Паис» расценивала её как противовес инициированному Францией Средиземноморскому союзу, с тем, чтобы «не нарушалось равновесие в ЕС в ущерб интересам стран Центрально-Восточной Европы». Но были и другие оценки: главная задача, как она представлялась «од-

ному западноевропейскому дипломату», состояла в том, чтобы посредством «мягкой силы» «заякорить шестерку, как к этому времени это уже удалось на Балканах»¹ и тем самым ослабить контакты входящих в неё стран с Россией.

Последующие события, развернувшиеся на фоне кризиса в Украине, подтвердили обоснованность этой оценки. Геополитические мотивы действий Евросоюза и США объяснил американский «Stratfor»: стратегическое положение Украины имеет ключевое значение для России», кроме того, «потеря торгового и военного доступа к черноморским украинским портам подрывает влияние России на Чёрном море и в Средиземноморье»².

Комментируя состоявшийся 28 января 2014 г. в Брюсселе саммит Россия – ЕС, New York Times писала, что «борьба за Украину символизирует раскол между Россией и Европой», т.к. за счёт Украины «каждая сторона стремится расширить своё влияние»³.

Продвижению Восточного партнёрства способствовали противоречия, возникавшие в отношениях России и её партнёров по СНГ. Реальная программа обрела после августовского российско-грузинского вооружённого конфликта 2008 г., когда Евросоюз выступил с резкой критикой военной акции России, «вышедшей за пределы необходимой самообороны». Зимой 2008 г. Евросоюз выступил также активным посредником в период «газовой войны» между Россией и Украиной. И уже в мае 2009 г. на совместном саммите ЕС и шести приглашённых государств было заявлено об учреждении этой программы.

Нельзя не заметить, что саммит 2009 г. был явно недооценён и даже проигнорирован лидерами крупнейших европейских государств (из их числа присутствовала только Ангела Меркель), не прибыли также президенты Белоруссии и Молдовы – А. Лукашенко и В. Воронин. Приглашённые на саммит «восточные партнёры» были явно разочарованы решением ЕС о выделении до 2013 г. всего €600 млн в качестве поддержки усилий всех стран «шестёрки» по демократизации общественных отноше-

¹ URL: <http://www.alieuropa.ru/index.phpview=article&catid+62+2011-06>.

² URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/2014.01.30/217019146.print.html>.

³ URL: <http://www.regnum.ru/1760571.html>.

ний. В то же время по важному для всех этих стран вопросу о постепенном смягчении и отмене в перспективе визового режима решений принято не было. Не были объявлены и хотя бы приблизительные сроки интеграции наиболее успешных стран «шестёрки» в ЕС, а в последующих документах неоднократно подчёркивалось, что Восточное партнёрство вообще «не предусматривает открытого пути к членству в ЕС».

По оценке посла Польши в РФ Войцеха Зайончковски, представленной в его интервью информационному агентству Regnum (от 23 сентября 2011 г.), программа «Восточное партнёрство» «была построена по принципу ответных действий ЕС на конкретные достижения входящих в неё стран». При этом успех одной страны, как, например, занимавшей в этой программе особое место – Украины, которой уже тогда было предложено подписание Соглашения об ассоциации с ЕС и о всеобъемлющей и углублённой зоне свободной торговли, не должен препятствовать продвижению других стран.

Многие аналитики уже тогда замечали, что, в отличие от программы ЕПС и программы «Черноморская синергия», в Восточное партнёрство не были приглашены Россия и Турция⁴. И хотя очевидно, что обе эти страны имеют собственные программы сотрудничества с ЕС (Турция – ассоциированный член, Россия – стратегический партнёр), в их действиях проявлялась всё большая настороженность.

Россия же открыто демонстрировала свою незаинтересованность в углублении сотрудничества постсоветских государств в рамках Восточного партнёрства, а иногда оказывала на них прямое давление, как это проявилось, например, во время визита в Молдову вице-преьера Д. Рогозина. А советник президента РФ С. Глазьев с самого начала не исключил в случае продвижения этого проекта ухудшения более чем объёмных торгово-экономических отношений Украины с Россией вплоть до отмены режима свободной торговли.

Отвечая на вопросы РИА Новости, постоянный представитель РФ при ЕС В. Чижов сказал: «Оснований для того, чтобы называть Восточное партнёрство объединением, нет никаких.

⁴ International Center for the Black Sea Studies. 2009. Policy Brief № 12. P. 3.

Это проект, инициатива ЕС, которая находится на непростом этапе становления, сопряжённом с немалыми трудностями». Он также заметил, что программа воспринимается в шести странах-участницах совершенно по-разному: «одни считают, что это политический инструмент, чтобы уйти от какого-либо ангажемента в отношении полного членства этих стран в ЕС, другие – что это попытка принудительно притянуть их к сотрудничеству с ЕС»⁵.

Лидеры Евросоюза считали неприемлемыми ограничительные меры в сфере торговли, которые приняла Россия по отношению к Украине в связи с планами Киева подписать Соглашение об ассоциации Украины с ЕС, но они также понимали нежелательность обострения отношений с Россией. Накануне Вильнюсского саммита в качестве примирительного жеста России было предложено «совместно инвестировать добрососедство и поддержать стабильные демократические общества, которые основываются на верховенстве права и работают в надёжной бизнес-среде»⁶. В то же время в большинстве западноевропейских публикаций подчёркивалось, что европейский выбор Украины, как и других стран, включённых в Восточное партнёрство, не был конъюнктурным, он сформировался уже в конце 1990-х гг., когда президент Л. Кучма заявил, выступая в 1998 г. на Парламентской ассамблее Совета Европы, о стратегическом выборе в пользу ЕС. Соответствующие шаги были продолжены В. Ющенко и Ю. Тимошенко, и неслучайно, что сегодня европейские политики расценивают позиции оппозиционных сил Украины как продолжение её стратегического выбора.

В расчёт принимались не только позиции украинских политиков, но и фактор общественного мнения, пока ещё, впрочем, не до конца устоявшегося. Выступая в конце августа 2013 г. в программе «Радио Свобода», известный украинский журналист В. Портников рассказал об удивительной закономерности, которую демонстрировали социологические опросы в Украине в преддверии Вильнюсского саммита. Большая часть опрошенных не считали себя европейцами, но была совершенно уверена в

⁵ URL: <http://www.yerkramas.org/3013/03.21>

⁶ URL: <http://www.newsgeorgia.ru.world/2013.10.11/215945982.html>

необходимости идти по пути европейской интеграции и с энтузиазмом восприняла бы подписание Соглашения об ассоциации с ЕС. Другая часть респондентов с таким же энтузиазмом приветствовала бы подписание соглашения с Таможенным союзом. А ещё лучше было бы подписать соглашение и с Брюсселем, и с Москвой. По оценке В. Портникова, это означало, что в украинском обществе пока ещё шла дискуссия о *выгодах*, а не о *ценностях*, и что у населения ещё не сформировалась устойчивая европейская идентичность⁷.

Тем не менее, дальнейшие события в Киеве, Львове и ряде других городов Украины после отказа В. Януковича подписать Соглашение об Ассоциации с Евросоюзом, показали, что значительная часть украинского общества сознательно предпочитает европейское направление развития, и попытки отказа от него встретили её активное сопротивление.

Помимо Украины в центре внимания вильнюсского саммита оказались Грузия и Молдова.

Ещё в конце июня 2013 г. Грузия успешно завершила переговоры с Евросоюзом о Зоне свободной торговли и была готова начать переговоры по подписанию Соглашения об ассоциации, однако нарастание внутривнутриполитических противоречий накануне президентских выборов заставило ЕС понизить уровень переговоров до обсуждения Зоны свободной торговли и парафирования Соглашения об ассоциации. Тем не менее, по оценке министра иностранных дел М. Панджикидзе, парафированное в Вильнюсе Соглашение позволит Грузии стать частью общеевропейского экономического пространства, поскольку Грузия станет более привлекательной для иностранных инвесторов, которые затем смогут пользоваться рынком всего Евросоюза⁸.

Российские эксперты оценивали значение этого события несколько по-иному, указывая, что когда в соответствии с такого рода соглашением снимаются барьеры, выигрывает не каждый, а только те, кто готов поставлять товары лучшего качества и по более низким ценам. Если же экономика неконкурентоспособна, как, например, в Болгарии, то такого рода соглашение мо-

⁷ URL: http://www.svoboda.org/articleprintview/25090957/html_

⁸ URL: http://www.georgiatimes.info/news954457html_

жет разорить местных производителей, и повлечёт за собой заполнение рынка некачественными европейскими товарами.

Так же, как и в случае с Украиной, учитывался и фактор общественного мнения, которое в Грузии в своём подавляющем большинстве склоняется к европейскому пути и, соответственно, к сотрудничеству с Евросоюзом. Как уже отмечалось, мощным катализатором развития программы «Восточного партнёрства» стал (и не только для Грузии) вооружённый конфликт 2008 г., который, по оценке экспертов Института современной России, всерьёз озадачил и постсоветские государства, и Евросоюз, показав, что в отстаивании своих интересов Россия может пойти достаточно далеко⁹.

Поэтому при подписании (или парафировании) соглашения с Грузией, по понятным причинам, учитывались не только экономические, но и весьма существенные политические обстоятельства, и об этом неоднократно заявлял экс-премьер-министр Грузии Б. Иванишвили. В начале октября 2013 г. на встрече с представителями комитета по политике и безопасности Совета Евросоюза он подчеркнул, что для Грузии очень важно, чтобы ЕС вёл с Россией интенсивный и принципиальный диалог с тем, чтобы сближение стран Восточного партнёрства с Евросоюзом не воспринималось Москвой как политика, направленная против России.

На саммите в Вильнюсе текст Соглашения об ассоциации был парафирован также и Республикой Молдова. В этой связи вопрос её внешнеполитической стратегии стал для неё темой «номер один» наступившего, 2014 г. В программах партий, входящих в правящую коалицию (ЛДПМ, ДПМ), пункт о евроинтеграции был обозначен как принципиально важный, наряду с неоднократно повторенными утверждениями о том, что территория Молдовы должна быть не полем конфронтации, а местом сближения Запада и Востока Европы.

Республика Молдова, географически являясь частью Центрально-Восточной Европы, и т.н. «европейским пограничьем», скорее других восприняла перспективы «вхождения в Евро-

⁹URL: http://inrussia.org/30.09.2013_

пу»¹⁰. И хотя экономика её основных, правобережных районов преимущественно аграрная, в то же время в политическом плане страна сумела продемонстрировать некий образец европейской политической культуры, будучи единственной на постсоветском пространстве, где президент и парламент на протяжении последних двух десятилетий сменялись законным путём, на основе электорального предпочтения граждан.

Сказанное, по-видимому, позволило европейским политикам провозгласить Молдову «флагманом Восточного партнёрства». В то же время в беседе с еврокомиссаром Ш. Фюле экс-премьер-министр Молдовы В. Филат заметил, что «евроинтеграция Молдовы – процесс элит, а не народа», и последние события показывают, что он был прав.

По мере приближения Вильнюса молдавское общество всё более раскалывается, отмечала газета «Панорама». Граждан всё более тревожат возможные санкции со стороны России – запрет экспорта вин и сельхозпродукции, введение виз для трудовых мигрантов, которых в России насчитывается от 60 до 700 тыс. человек, их возможная депортация, наконец, потеря части своей территории – Приднестровья. Учитывая эти настроения, Партия коммунистов – ПКРМ выступила против участия Молдовы в Восточном партнёрстве, хотя в 2002 г. именно её лидер В. Воронин провозгласил курс на евроинтеграцию. Сегодня ПКРМ объявляет Восточное партнёрство «вильнюсским сговором» и попыткой провести «новые разделительные линии на европейском континенте».

На саммите в Вильнюсе Молдова парафировала «Соглашение о свободной торговле», но при этом еврокомиссар Ш. Фюле подчеркнул, что это не должно означать её отказа от восточного рынка и трудовой миграции в Россию, добавив, что «евроинтеграция не может быть процессом элит, следует учитывать интересы всего общества». Он также упомянул, что ещё в начале сентября 2013 г. Европарламент принял резолюцию, где было сказано, что Россия должна уважать право стран-членов Восточного партнёрства самим выбирать, будут ли они подпи-

¹⁰ См.: Язькова А.А. Республика Молдова – «европейское пограничье». Вестник Европы. 2013. Т. XXXI. С. 56.

сывать соглашения об ассоциации с Евросоюзом, и воздерживаться от давления на Украину и Молдавию в виде экономических санкций или на Армению в виде прямых угроз¹¹.

Состоявшийся 28-29 ноября саммит в целом подтвердил многие ранее высказанные прогнозы и опасения по поводу дальнейшего продвижения программы «Восточное партнёрство».

В наиболее сложном положении оказалась Армения, испытывающая на себе постоянный прессинг конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Как известно, по итогам состоявшихся 3 сентября 2013 г. в Москве переговорах Сержа Саргсяна с Владимиром Путиным президент Армении заявил, что Армения не будет парафировать соглашения с Евросоюзом, а, напротив, вступит в Таможенный союз (ТС) и впоследствии будет участвовать в формировании Евразийского экономического союза. Вскоре после этого российская деловая газета «Взгляд» опубликовала подсчитанные Евразийским банком выгоды, которые Армения получит от вступления в ТС (снижение от \$270 до 180 цен на поставляемый Россией газ, положительная динамика по поддержке армянских трудовых мигрантов, отмена пошлин и другие льготы). По мнению же ряда экспертов, такое решение Армении было продиктовано не столько экономическими соображениями, сколько возможным обострением конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Выступая на Вильнюсском саммите, президент Армении С. Саргсян, тем не менее, отметил, что главной целью Армении является разработка таких действенных механизмов сотрудничества с ЕС, которые, с одной стороны отражали бы глубокий характер двусторонних социально-экономических и политических отношений, а, с другой, были бы совместимы с другими формами сотрудничества. Он также заметил, что 5-летняя история Восточного партнёрства свидетельствует о необходимости и жизнеспособности данного формата¹².

Что же касается Азербайджана, то, не отказавшись от участия в Вильнюсском саммите, президент И. Алиев занял особую позицию, исходя из характера своих взаимоотношений со стра-

¹¹ URL: <http://www.regnum.ru/news/170687.html>.

¹² URL: <http://www.regnum.ru/news/1739043.html>.

нами Евросоюза в сфере поставок энергоресурсов, и подписал предложенное ему соглашение об облегчении визового режима. Как отмечали некоторые российские аналитики, Азербайджан не против Европы, просто ему не нужна такая интеграция, которая хотя бы теоретически могла поставить под сомнение экономическую и политическую монополию режима¹³.

Последующее развитие событий обнажило тот факт, что основной целью Евросоюза было заключение Соглашения об ассоциации с Украиной. Брюссель был готов подписать с ней соответствующий пакет документов накануне, во время и даже после окончания саммита, ссылаясь на массовую поддержку идей евроинтеграции населением. Но оказать Украине фундаментальную экономическую и финансовую помощь в условиях нарастающего из-за потери российских рынков экономического кризиса Евросоюз готовности не проявил.

В ответ на заявление одного из лидеров украинской оппозиции Г. Яценюка на конференции в Мюнхене о том, что Украина отчаянно нуждается в плане Маршалла, верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности К. Эштон заявила на встрече с украинскими журналистами, что речь идёт совсем «не о больших порциях наличности», а, скорее, об определённого рода поддержке, включая ноу-хау, технические возможности, ресурсы, которые могут быть предоставлены¹⁴. Прибывшая в Киев заместителем госсекретаря США Виктория Нуланд, несмотря на разразившийся вокруг её высказываний дипломатический скандал, по сути, поддержала позицию Евросоюза.

К тому же, Запад не может возместить потери российских рынков не только Украиной, но и другими странами Восточного партнёрства, хотя бы потому, что их доля во внешней торговле стран ЕС крайне незначительна (по данным Евростата, в 2012 г. она составляла 2,3% по экспорту и 2,0% по импорту).

Необходимость выхода из сложившейся ситуации постепенно находит понимание и в Европе, и в России. В качестве наиболее важного итога январского, 2014 г., саммита ЕС – Россия

¹³ Новая газета. 02.12.2013.

¹⁴ URL: <http://regnum.ru/news/politia/1764074>.

EUObserver назвал создание совместной с Россией рабочей группы экспертов по Восточному партнёрству¹⁵.

Однако достижение более конструктивного и объёмного компромисса по вопросу об Украине представляется в ближайшем будущем маловероятным. Причина этого не только в противоположных оценках событий на Украине Россией и Западом, но и в продолжающемся непонимании значительной частью российского истеблишмента и общества самой сути украинской независимости, её восприятие как состояние временное, навязанное Украине извне. Поэтому, безусловно, прав российский политолог А. Ципко, указывающий на то, что каждый очередной политический кризис в Украине не только не приближает её к России, а напротив, отдаляет¹⁶. И это в перспективе будет осложнять России не только неизбежное построение нового формата отношений с Украиной, но и решение важнейших для неё внешнеполитических задач.

Для России всё более значимой становится экономическая экспансия Китая на постсоветском пространстве, и здесь необходимы согласованные действия России и Украины. Вкладывая миллиарды долларов в совместные проекты, Китай предлагает странам постсоветского пространства «налаживать партнёрские отношения» и при этом подчёркивает «важность политического суверенитета и независимости». Результатом неожиданного для всех визита В. Януковича в Пекин в самый разгар ноябрьского 2013 г. кризиса на Украине стало принятие решения о строительстве в районе Феодосии – Севастополя глубоководного перевалочного порта, для чего Китай предоставил \$10 млрд. Продвижение Китая в западном направлении через Центральную Азию и Причерноморье, заявленное как возрождение Великого Шёлкового пути, приходит, таким образом, в прямое противоречие с интересами России. Что же касается Евросоюза, то воссоздание «Великого Шёлкового пути», будучи направлено на установление тесных связей между Китаем и Европой, могло бы как раз способствовать более активному включению европей-

¹⁵ URL: <http://www.regnum.ru.1760513.html>.

¹⁶ О причинах, препятствующих поиску взаимопонимания между Россией и Украиной см.: Независимая газета. 05.02.2014.

ских государств в систему международных экономических связей на линии Европа – Азия и продвижению их политического влияния в восточном направлении.

* * *

Пока ещё рано подводить общие итоги саммита в Вильнюсе, но уже сейчас очевидно, что развернувшиеся после него события стали началом кардинальных перемен в регионе Восточной Европы, о чём свидетельствуют сдвиги в массовом сознании наиболее крупного и значимого регионального государства – Украины. На состоявшейся в середине января 2014 г. в литовском Тракае «снежной встрече» европейских и американских политиков член Верховной Рады Украины, крупный украинский предприниматель П. Порошенко заявил в этой связи, что «евроинтеграция для украинцев стала той национальной идеей, которая объединит народ».

Из сказанного следует, что отношения на линии Восток – Запад приобрели после Вильнюса преимущественно политический, а, в известной мере, геополитический характер. Об этом прямо говорилось в редакционной статье британской *Financial Times*, где основное внимание было уделено возможной реакции России на события на Украине и необходимости «просчитать и оценить масштабы вероятного ответа Москвы»¹⁷.

Опыт предшествующих десятилетий XX в. показал, насколько опасно и нежелательно создание в Европе различного рода разделительных линий и формирование противостоящих друг другу коалиций. Чтобы не допустить этого, необходимы усилия всех сторон, и, в качестве первого шага, достижение договорённостей, согласно которым предлагаемые Брюсселем и Москвой «правила игры» перестали бы быть взаимоисключающими. Необходимы также переговоры по более конкретному кругу вопросов с участием всех заинтересованных сторон – самих стран Восточного партнёрства, прежде всего, Украины, Евросоюза и России.

¹⁷ URL: <http://inosmi.ru/world/2014.01.04/216241640.print.html>.

УКРАИНА И ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО: ДО И ПОСЛЕ ВИЛЬНЮСА

Вильнюсский саммит Восточного партнёрства в ноябре 2013 г. даёт основания подвести некоторые итоги реализации соответствующей программы Европейского Союза (ЕС). Саммит не принял решения, которого в Украине и России одни ожидали, а другие опасались, но всё же с уверенностью можно вести речь о двух его результатах. Развернувшиеся вокруг него события ускорили кончину третьей украинской республики (1991–2014 гг.). И, кроме того, судя по всему, перевели проблему выбора предпочтительного направления экономической и политической интеграции Украины из теоретической плоскости в плоскость сугубо практическую.

И ЕС, и Российская Федерация (РФ) в серии заявлений чиновников разного уровня представили свои не совпадающие по большинству пунктов позиции в отношении группы новых независимых государств, расположенных между ними, и в первую очередь самого крупного из них – Украины. Саммит РФ – ЕС, прошедший в сжатом формате в конце января, позиции сторон не сблизил, а содержательную дискуссию отложил до середины текущего года. Развитие событий в Украине, однако, вряд ли позволит «большим соседям» Украины расслабиться. Они требуют уже сейчас и, судя по всему, чем дальше, тем настоятельнее будут требовать действий с обеих сторон. В силу сказанного эти действия, скорее всего, будут разнонаправленными, способствующими не смягчению политического кризиса и противоречий ЕС и РФ, а обострению того и другого.

Раньше или позже, однако, во избежание большого неприемлемого ущерба для обеих сторон и их отношений ЕС и РФ придётся приступить к соотнесению и, возможно, согласованию своих позиций. Небесполезным в этой связи был бы анализ того, чем была для Украины и российско-украинских отноше-

* Мироненко Виктор Иванович, к.и.н., руководитель Центра украинских исследований ИЕ РАН.

ний программа «Восточного партнёрства.

* * *

Программа «Восточное партнёрство» имела своей главной целью ускорить переход от декларативной евроинтеграции Украины к практической. Это ей удалось и не удалось в одно и то же время.

Когда мы говорим о декларативном характере евроинтеграции Украины, мы имеем в виду то, что она, как стратегическая цель присутствовала во все годы существования третьей украинской республики. В 1994 г. было подписано Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС. Оно было рассчитано на десять лет.

Закон Украины от 19 июня 2003 г. «Об основах национальной безопасности Украины» одним из ключевых направлений государственной политики определил «обеспечение полноправного участия Украины в общеевропейской и региональной системах коллективной безопасности, приобретение членства в ЕС при сохранении добрососедских отношений и стратегического партнёрства с Российской Федерацией, другими странами СНГ, а также с другими государствами мира»¹⁸. Закон Украины от 1 июля 2010 г. «Об основах внутренней и внешней политики» также недвусмысленно определяет направленность внешней политики Украины: «обеспечение интеграции Украины в европейское политическое, экономическое, правовое пространство с целью вступления в Европейский Союз»¹⁹.

21 февраля 2005 г. был подписан План действий Украина – ЕС, документ, самым своим названием говорящий о стремлении сторон перейти от деклараций к практическим действиям. Согласно ему отношения Украина – ЕС должны были выйти за пределы сотрудничества и перейти к постепенной интеграции, прежде всего – экономической, но без перспективы членства. На наш взгляд, это было главным недостатком плана, поскольку

¹⁸ Про основи національної безпеки: Закон України від 19.06.2003 року. № 964-IV. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/964-IV> (последнее обращение – 03.02.2014).

¹⁹ Про засади внутрішньої та зовнішньої політики: Закон України від 01.07.2010 року № 2411-VI. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2411-17> (последнее обращение – 03.02.2014).

ку не просто отодвигало цель в неопределенную перспективу (это ещё можно было как-то объяснить), а снимал её, обесмысливая во многом сами действия.

Структурно План действий состоял из шести частей: политический диалог, экономическое и социальное развитие, развитие внутреннего рынка и торговля с ЕС, сотрудничество в сфере юстиции и внутренних дел, развитие инфраструктуры, развитие межчеловеческих контактов. ЕС, чувствуя некоторую непоследовательность своей позиции, предложил сделать документ открытым для изменений – в зависимости от степени реализации определённых приоритетов²⁰.

Предполагалось, что Украина выполнит план в течение трёх лет (хотя ЕС настаивало на пяти).

4 марта 2007 г., Украина и ЕС начали переговоры о новом договоре между ними, который должен был заменить соглашения о партнёрстве и сотрудничестве. Приоритетами реформ в странах-партнёрах и их сотрудничества с ЕС были определены: демократия, совершенствование системы управления и обеспечение стабильности; экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, включая создание зон свободной торговли; энергетическая безопасность; развитие контактов между людьми (либерализация визового режима и усиление борьбы с незаконной миграцией).

В мае 2008 г. в Совете ЕС была представлена подготовленная по инициативе Польши и Швеции программа «Восточного партнёрства», конкретизирующая политику соседства ЕС применительно к восточноевропейскому региону. Программа предусматривала участие шести восточноевропейских стран – Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы и Украины. Сферы сотрудничества в рамках программы были очерчены следующим образом:

– разработка соглашения об ассоциации и согласование параметров зоны свободной торговли между ЕС и шестью странами-участницами;

²⁰ URL: http://www.kmu.gov.ua/kmu/control/uk/publish/article?showHidden=1&art_id=223286528&cat_id=223280190&ctime=1247076969632 (последнее обращение – 03.02.2014).

- финансирование со стороны ЕС комплексных программ, направленных на улучшение государственного администрирования в них;
- сближение законодательства для облегчения и ускорения экономической интеграции;
- упрочение и развитие сотрудничества стран-участниц между собой вплоть до создания некоего союза, ассоциированного с ЕС;
- борьба с коррупцией, организованной преступностью и нелегальной миграцией;
- повышение мобильности трудовых ресурсов и в перспективе открытие рынка труда ЕС для рабочих и специалистов из стран-участниц;
- усиление энергетической безопасности стран-участниц и в первую очередь Украины;
- осуществление ряда частных программ и проектов, связанных с преодолением экономического и социального расслоения, охраной границ, ликвидации последствий стихийных бедствий, поиски альтернативных источников энергии и т.п.;
- активизация контактов между людьми;
- финансовая помощь и др.

В сентябре 2008 г. на Парижском саммите произошла дальнейшая конкретизация целей программы «Восточного партнёрства». Стороны определились – новый документ будет соглашением об ассоциации. Частью соглашения должен был стать договор о расширенной и углублённой зоне свободной торговли между ЕС и Украиной.

В соответствующей декларации целью новой инициативы было создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнёрами путём содействия политическим и социально-экономическим реформам в странах-участницах Восточного партнёрства.

В 2009 г. план был заменён другим документом – «Повесткой дня ассоциации Украина – ЕС»²¹, представлявшим собой

²¹ Порядок денний асоціації Україна – ЄС. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article%3fshowHidden=1&art_id=243281941&cat_id=223345338&

уже вполне определенно не декларацию, а политический инструмент для реализации положений Соглашения об ассоциации Украина – ЕС.

Итак, мы видим, что все эти годы от первого соглашения, через участие Украины с 2004 г. в т.н. «политике соседства» ЕС и до Восточного партнёрства отношения и проекта соглашения об ассоциации ЕС и Украины характеризовались настойчивым поиском, с одной стороны, способов ускорить процесс европейской интеграции Украины, а, с другой стороны, стремлением замедлить его и увязать с рядом предварительных условий²².

Москва взяла политическую паузу, явно рассчитывая на решительное изменение внешнеполитических приоритетов Киева после президентских выборов 2010 г. Действительно, со сменой «прозападной» с точки зрения Кремля администрации В. Ющенко на «про-российскую», как считалось, администрацию В. Януковича, казалось бы, вопрос должен был утратить свою остроту. В том числе и потому, что и политика соседства, и Восточное партнёрство по отношению к Украине воспринимались и были политическими паллиативами. ЕС, то ли из-за экономического кризиса и кризиса расширения, то ли из-за опасений вызвать неадекватную реакцию Москвы, был явно не готов предложить Украине что-то большее, чем то, что было сформулировано и предложено в момент учреждения программы «Восточного партнёрства» на встрече в Праге 8 мая 2009 г.

Декларативный «европейский выбор» Украины, даже будучи зафиксированным в упоминавшихся выше государственных правовых актах, не был секретом для российской администрации, но не слишком её беспокоил. Заключённые Ю. Тимошенко в конце 2009 г. соглашения по газу, Харьковские соглашения с новой украинской администрацией, отодвинувшие далеко сроки окончания аренды баз пребывания Черноморского флота РФ в Севастополе, последовательно и довольно настойчиво проводимая политика замещения украинского импорта, особенно в таких чувствительных областях, как ракетно-, самолёто-, судост-

ctime=1266423569791 (последнее обращение – 03.02.2014).

²²URL: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article%3fart_id=224168250&cat_id=223345569 (последнее обращение – 03.02.2014).

роение и др., вселяла уверенность в достаточно прочной «привязке» Украины.

Эта проблема постоянно присутствовала в отношениях Российской Федерации и ЕС. Но на ней не акцентировали внимания. Успокаивало то, что США, и ЕС сдерживали администрацию В. Ющенко в её стремлении ускорить процесс вступления Украины не только в Североатлантический альянс (НАТО), но и в Европейский союз.

Однако, как отмечает Ю. Борко, «объявленный в Брюсселе проект Восточного партнёрства... Москва восприняла как экспансию ЕС в зону её жизненных интересов. В Европе позицию Москвы оценили как возрождение её имперских амбиций. Евросоюз критически воспринял курс Путина на строительство «вертикали власти», а фактически на свёртывание демократии и установление контроля государства над экономикой. Кризис, возникший в отношениях Россия – ЕС в период второго президентства Путина (2004–2008 гг.) был, по сути, кризисом концепции стратегического партнёрства в той версии, которую предложил Евросоюз»²³.

В 2011 г. Россия отреагировала на действия ЕС, предложив Украине наряду с другими странами подписать договор о зоне свободной торговли СНГ. Что и было сделано 18 декабря 2011 г.

И в ЕС, и в самой Украине сторонники её евроинтеграции довольно спокойно восприняли присоединение её к этому договору. Наверное, потому, что договор тоже был скорее теоретическим. Он просто фиксировал исторически существовавшее положение вещей в межстрановой торговле на постсоветском пространстве. «Свободная торговля, – заявлял по этому поводу известный российский экономист С. Глазьев, – это торговля без импортных тарифов и без количественных ограничений, за исключением строго определённых случаев, когда они могут вводиться. Отличие от нынешней системы, которая в СНГ сложилась за двадцать лет, заключается в том, что мы перешли от двухсторонних соглашений к одному многостороннему соглашению»²⁴.

²³ Борко Ю.А. Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнёрство. Современная Европа. 2014. № 2. С. 30.

²⁴ URL: <http://mir24.tv/news/community/4357815> (последнее обращение –

Желание каким-то образом оградить новые независимые государства Восточной Европы от не всегда соответствующего их национальным интересам и не всегда дружественного политического влияния большого соседа – Российской Федерации, можно понять. Но в целом контекст, в который изначально была поставлена новорожденная инициатива ЕС, был недостаточно осмыслен и подготовлен. И это не могло не сказаться на результатах.

Попытки создания общеевропейского пространства безопасности и сотрудничества без России никогда не удавались в прошлом и не могут быть успешными сегодня. Каких бы усилий не требовал диалог с ней, его нельзя избежать, он необходим. Отказ от него, даже мотивированный, или, тем более, исключения России из многостороннего диалога в рамках европейского процесса, попытки разговаривать с ней с позиции силы, обрекают на неудачу любую, самую разумную и перспективную политическую инициативу.

В том же, что касается имевшихся якобы в ЕС и в США опасений воссоздания на постсоветском пространстве усилиями России новой сверхдержавы, в существовавшей и существующей внутривосточной и экономической парадигме, в которой страна движется, начиная с 1991 г., возможность этого в обозримом будущем приближается к нулю.

В программе «Восточного партнёрства» можно легко обнаружить и некоторые другие изначально заложенные препятствия для адекватного её восприятия в самой Украине.

Так, например, в Пражской декларации подчёркивалось, что в своей деятельности Восточное партнёрство будет руководствоваться принципом «кондициональности», т.е. продвижения вперёд лишь при условии выполнения странами-участницами программы определённых требований ЕС. Реалии Украины, существовавшие на момент разработки и принятия программы – экономические и общественно-политические, – были очень далеки от заявленных требований, что позволяло при желании откладывать выдвигание просьбы о вступлении в ЕС на неопределённо долгое время.

01.02.2014).

Кроме того, в Украине не без оснований считали, что предложенный ЕС формат сотрудничества не отвечает в полной мере ни размеру и потенциалу страны, ни тем ожиданиям, которые вполне сформировались у большинства её граждан и у украинской деловой и политической элиты. Изначально, формат Восточного партнёрства был до смешного мал, и вызывал у многих в Украине чувство обиды, тем более горькой, что её нельзя было высказать. При всём уважении к другим странам-участницам Украина по своим размерам и параметрам явно выпадала из этого ряда.

Похоже, что инициаторы и авторы программы «Восточного партнёрства» понимали это. Председатель комитета Европарламента польский депутат Я. Сариуш-Вольский говорил, что кое-кто в Украине выражает скептицизм относительно Восточного партнёрства. «Но он не является клеткой, – отвечал он на это. – Наоборот, это лучший способ для того, чтобы когда-то быть готовыми вести речь о членстве в ЕС. Украина в рамках этой инициативы вполне может стать пионером, лучшим из исполнителей. Каждый участник Восточного партнёрства будет оцениваться по его достижениям. Таким образом, это путь для чего-то лучшего, когда все страны будут к этому готовы. Все сейчас находится в руках Украины»²⁵.

Как бы там ни было, но предложенный ЕС паллиатив не давал надежд на скорое решение ни одной из украинских проблем. Только, мягко говоря, странная политика российских администраций в отношении Украины в президентство В. Ющенко и даже В. Януковича помогла ЕС преодолеть это неприятие со стороны Украины проекта Восточного партнёрства и довести дело до подписания соглашения об ассоциации и о расширенной и углублённой зоне свободной торговли с ней.

Вопреки ожиданиям, администрация В. Януковича не отказалась от подготовки соглашения об ассоциации и более широкой зоне свободной торговли с ЕС, а утверждала, что зафиксированный во многих политических документах и документах, имеющих силу закона, т.н. «европейский выбор» Украины остаётся неизменным. И после того, как в результате напряжённой

²⁵ Євробюлетень. 2009. № 5. Травень. С. 4-5.

работы трёх тематических переговорных групп: политический диалог, юстиция, свобода и безопасность, секторальное сотрудничество, – состоялось парафирование Соглашения об ассоциации 30 марта и Договора о расширенной зоне свободной торговле 19 июля 2012 г., в Москве, по-видимому, решили, что отношения Украины и ЕС зашли слишком далеко.

Ситуация изменилась, по-видимому, и после того, как, будучи ещё главой правительства РФ, В. Путин на саммите ЕврАзЭС в октябре 2011 г. заявил о создании Евразийского Союза и, будучи вновь избранным президентом РФ в 2012 г., дал недвусмысленно понять, что это является центральным пунктом его внешнеполитической программы. Потребовалось некоторое время для того, чтобы был выработан план действий по практическому осуществлению амбициозного плана ре-интеграции на постсоветском пространстве. В июне 2013 г. появились первые свидетельства того, что такой план подготовлен и начал осуществляться. 25 июня 2013 г. в МГИМО(У) МИД РФ состоялась беспрецедентная по уровню политического представительства (правда только с российской стороны) конференция «Российско-украинские отношения: реалии и перспективы»²⁶.

Российская администрация одновременно начала усилиями советника президента РФ С. Глазьева мощную пропагандистскую кампанию в пользу переориентации интеграционных планов Украины с запада на восток и введение различных ограничений в двусторонней торговле. И хотя российское правительство отрицало целенаправленный характер вводимых ограничений, было понятно, что от убеждения украинцев в предпочтительности участия в Таможенном союзе и Евразийском союзе, оно перешло к экономическому давлению. Целью всех этих мер, несомненно, было создать такую экономическую ситуацию, когда украинская сторона вынуждена будет предпочесть европейскому «журавлю в небе», российскую «синицу» в руках. И это сделать удалось. Момент для этого был более чем подходящий. «Команда президента Виктора Януковича за три с половиной года довела экономическую систему Украины от ста-

²⁶ URL: <http://2000.net.ua/2000/forum/rossija/92399>.

бильно тяжёлого состояния до клинической смерти...»²⁷.

Восточное партнёрство, как мы видели, с самого начала предусматривало возможность и предполагало заключение двусторонних соглашений со странами-участницами об ассоциации, способной на какое-то время стать заменителем вождя для них членства в ЕС.

Сказалась конкуренция внутри ЕС за приоритетные направления использования т.н. Европейского фонда развития. Договор о вступлении Польши в Европейский Союз обязал Польшу участвовать в его формировании. И уж если Польша обязалась делать это, грех было бы не воспользоваться этим для утверждения себя в роли лидера в отношениях Евросоюза с «новыми соседями», распространение своего политического влияния на Восточную Европу. Российско-польские отношения в этот период переживали не лучшие времена.

Вполне уместен в этой связи вопрос о том, не являлось ли одной из целей программы «Восточного партнёрства» недопущение появления на восток от ЕС и Польши если не нового Союза, то чего-то сопоставимого с ним по силе и влиянию? Ответ на него очевиден: «Да, являлось!». Это не могло понравиться России.

В Российской Федерации преобладали и преобладают скептические и откровенно негативные оценки. Причём тут, в отличие от Украины, их не стесняются высказывать. Ряд российских экспертов прямо говорили о намерении Евросоюза окончательно дезинтегрировать постсоветское пространство с помощью Восточного партнёрства и вывести страны СНГ из-под влияния России.

Официальную позицию в отношении Восточного партнёрства сформулировал постоянный представитель России при ЕС В. Чижов. Он сказал: «...Наша позиция сводится не к тому, чтобы противодействовать Восточному партнёрству. Как любая региональная инициатива, она имеет право на существование. Для нас важно, чтобы то, что делается в рамках этой инициативы, не было направлено против российских интересов, на искусст-

²⁷ URL: <http://mir-politika.ru-potop-posle-yanukovicha/html/> (последнее обращение – 27.01.2014).

венный отрыв этих стран от сотрудничества с Россией... Главное, чтобы это не создавало новых разделительных линий в Европе»²⁸.

Конечно, такой «искусственный отрыв» создавался в т.ч. и российской политикой по отношению к новым независимым государствам на постсоветском пространстве. И в первую очередь по отношению к самой большой и потенциально сильной стране, как Украина. Тем не менее, нужно признать, что хотя и трудно определить здесь, где причина, а где следствие, опасения россиян имели под собой реальные основания.

Теперь, задним числом в ЕС признают, что при подготовке и принятии программы не были в достаточной мере учтены беспокойства и озабоченности России. Так, например, Г. Эрлер – новый координатор германо-российского межобщественного сотрудничества МИД ФРГ – заявил в январе с.г. журналистам в Берлине, что ЕС не проанализировал возможность конфликта с Россией, когда предлагал программу «Восточного партнёрства» Украине. ЕС ошибся. Важно учитывать озабоченность Москвы, является она законной или нет, с точки зрения Запада²⁹.

«Озабоченности Москвы» легко понять, ознакомившись с высказываниями высокопоставленных представителей ЕС. Так, например, комиссар ЕС по вопросам внешних сношений и европейской политики соседства Бенита Ферреро Вальднер заявила о том, что Восточное партнёрство ориентировано на развитие двусторонних отношений стран-участниц с ЕС. Вместе с тем оно представляет собой новую форму многостороннего сотрудничества. И добавила, что углубление двусторонних отношений предусматривает также заключение соглашений об ассоциации, при выполнении ими определённых условий, а также, в качестве долгосрочной стратегической цели, создание того, что она назвала «соседским экономическим сообществом»³⁰.

21 ноября 2013 г. кабинет министров Украины заявил о сво-

²⁸ Чижов Владимир. Южный поток нужно сделать приоритетным проектом ЕС. Дипкурьер. 18.05.2009. URL: http://www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizhov.html?mright=0 (последнее обращение – 04.11.2013).

²⁹ URL: <http://mediarupor.ru/blog/43372535150/Germaniya-predlagaet-peresmotret-%22Vostochnoe-partnerstvo%22-po-pri> (последнее обращение – 04.01.2014).

³⁰ Евробюлетень. 2009. № 5. Травень. С. 4-5.

ём решении приостановить процесс подготовки к заключению Соглашения об ассоциации с ЕС. В связи с этим решением в разных городах Украины и мира начались массовые протесты, которые продолжаются до сих пор³¹.

29 ноября 2014 г. в Вильнюсе Украина не подписала Соглашение об ассоциации с ЕС. Об этом В. Янукович заявил во время выступления на пленарном заседании саммита Восточного партнёрства. Он попытался сгладить впечатление, сказав, что Украина и ЕС вышли на завершающий этап заключения Соглашения об ассоциации, что это переведёт на качественно новый уровень отношения с ЕС, а также подтвердил намерение Украины в ближайшей перспективе подписать соглашение об ассоциации.

В. Янукович назвал и условия подписания соглашения об ассоциации с Евросоюзом, главным среди которых было снятие противоречий в российско-украинских отношениях³².

С точки зрения внутренней эволюции, массовые протесты в Украине, начавшиеся в конце ноября 2014 г. и распространившиеся на большую часть её территории, были свидетельством несостоятельности существующей государственной модели, воплощённой в третьей, по нашей классификации, украинской республике (1991–2014 гг.), излишне централизованной и этноцентричной. А так же социально-экономической политики администрации президента Украины В. Януковича и её реализации кабинетом министров Украины Н. Азарова.

Эта политика, продиктованная общим тяжёлым социально-экономическим положением (экономическая стагнация, хронический дефицит государственного бюджета, растущая внешняя задолженность и сокращающиеся золотовалютные резервы страны и т.д.), не давала выхода из него и одновременно разрушала стихийно сложившуюся систему мелкотоварного производства и обслуживающей его инфраструктуры, обеспечивавших неко-

³¹ URL: <http://www.unian.net/news/608190-yanukovich-podtverjdaet-namereniyaukrainyi-v-blijayshey-perspektive-podpisat-soglashenie-ob-assotsiatsii.html> (последнее обращение – 29.11.2013).

³² URL: <http://www.unian.net/news/608203-yanukovich-nazval-pyat-shagov-kotoryie-byi-mog-sdelat-es-navstrechu-ukraine.html> (последнее обращение – 29.11.2013).

торую социальную устойчивость Украины даже в условиях сотрясавших её периодически политических кризисов.

Но не только этого. С точки зрения внешних условий модернизации, даже эти робкие попытки Брюсселя как-то ответить на растущее в Украине стремление уставших от неопределённости и нестабильности украинских граждан приобщиться к благополучной, богатой и безопасной, как считает их большинство, «европейской» жизни, вызвали болезненную реакцию в Российской Федерации, которая, по разным свидетельствам, то ли не была приглашена к участию в программе, то ли отказалась от него.

В Российской Федерации не без оснований подозревали, что наряду с заявленными целями, существовал ряд не декларируемых, но подразумеваемых частных целей. Можно предположить, что это было создание вокруг ЕС комфортного внешнего окружения, своего рода региональное (восточное) измерение европейской политики соседства в качестве дополнения к т.н. «северному измерению» и «средиземноморскому союзу». Поиск паллиатива, способного удерживать страны, желающих вступить в ЕС, на определённом расстоянии от этой цели, не отталкивая их.

Подытоживая, можно сказать о том, что всё происшедшее накануне саммита свидетельствовало о низкой эффективности и российской политики, и политики ЕС в отношении Украины. Оба «больших соседа» Украины в одно и то же время подталкивали друг друга к действиям, и сдерживали друг друга от активных действий. С точки зрения внутренних потребностей Украины это была худшая из всех мыслимых и возможных ситуаций. Устраивала она только одного человека – президента Украины В. Януковича, который рассчитывал сохранить состояние неопределённости до президентских выборов 2015 г. и использовать её в своих электоральных интересах.

Сделать это ему не удалось. Исполнители, как это часто бывает, перестарались. Предпринятая 30 ноября 2014 г. попытка подавить начавшиеся демонстрации протеста в столице Украины, Киеве, привела к массовому выступлению киевлян и жителей многих других городов Украины формально против конкретных действий власти, а по существу против проводимой со-

циально-экономической политики, не дающей стране реализовать её огромный модернизационный потенциал.

Договорённости, достигнутые между президентами России и Украины во время саммита в Москве 19 декабря 2014 г. позволили отодвинуть угрозу дефолта, но не устранить причины недовольства. Принятие Верховным Советом Украины 16 января 2014 г. ряда законов, вводящих уголовное наказание за участие в демонстрациях и митингах, существенно ограничивающих граждан Украины в их конституционных правах, вызвало новые протесты.

* * *

Учитывая всё сказанное, зададим себе вопрос: «Что же можно было ожидать от Вильнюсского саммита Восточного партнёрства, и куда уведут Украину события, если и не вызванных им, как считают многие в России, то, во всяком случае, ставшие для них поводом?».

Всё случившееся и происходящее сейчас в Украине не позволяет пока делать окончательные выводы и долгосрочные прогнозы. Но кое-что можно сказать уже сейчас и можно попытаться представить себе вероятные сценарии европейского процесса и российско-украинских отношений в нём на ближайшую перспективу.

Несомненным, на наш взгляд, является само существование европейского процесса, не помещающегося уже в рамках ЕС. Очевидна также связь между происходящим в Украине и отношением ЕС к Восточной Европе вообще и Украине в частности – с забытой Парижской декларацией для новой Европы и до частичной реанимации этой концепции в программе «Восточного партнёрства». Камень преткновения здесь – Россия. Без неё «новой Европы», в которую вписалась бы и Украина, не создать, и с ней пока что не получается.

Наиболее вероятными сценариями развития событий представляются следующие. Всё может остаться, как есть. Россия будет пытаться оказывать нажим с целью принудить Украину следовать в фарватере её политики и создать режим, совместимый с российским, для включения её в те или иные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Украина будет

противиться этому, лавировать между Россией и ЕС. Они, как это и было в предыдущие годы, будут объективно сдерживать друг друга в экономическом и политическом развитии, в попытках модернизации.

При более активном вмешательстве ЕС и США, признаки чего мы в последнее время наблюдаем, Украина может окончательно сойти с политической орбиты России. Политическое влияние России на Украину сведётся к минимуму, но и обратное влияние Украины на Россию тоже ослабнет. Следствием этого будет консервация существующего в ней режима и, в свою очередь, возникновение новой разделительной линии в Европе (теперь в Восточной). Образуется геополитическая модель «Восточная Европа минус» – минус европейская часть Российской Федерации, Белоруссия и, возможно, Азербайджан и Армения. Тогда Европу и мир в целом ожидает в лучшем случае «холодный мир», в худшем – новое издание «холодной войны».

Самым оптимистическим нам представляется третий сценарий, состоящий в том, что осознание тупика, в котором оказался большой европейский процесс, приведёт к согласованному расширению политического контекста до общеевропейского, каким он, на наш взгляд, и должен быть. Следствием этого будет осмысление и разработка совместно с США и Канадой если не новой конфигурации Большой Европы, то хотя бы правил поведения, обеспечивающих на ближайшую перспективу минимальный стандарт безопасности и сотрудничества стран, принадлежащих к европейской культурной традиции.

Последний сценарий является, на наш взгляд, предпочтительным, но, увы, пока что наименее вероятным. Обнадёживает упоминание в преамбуле проекта Соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом и Евроатомом Парижской декларации для новой Европы 1991 г. А также то направление выхода Украины из кризиса, которое обозначилось с возобновлением работы Верховного Совета Украины 28 января с.г. и результаты «короткого» саммита Россия – ЕС в Брюсселе в тот же день.

Особенно прозвучавшее из уст президента России предложение не вмешиваться во внутренние дела Украины, готовность оказывать ей посильную помощь независимо от того, кто побе-

дит в нынешнем противостоянии – власть или оппозиция, и создать зону свободной торговли между ЕС и формирующимся ЕАС.

Совершенно ясно также и то, что для Украины, Российской Федерации, равно как и для ряда других новых независимых государств Восточной Европы продолжать после Вильнюса двигаться в рамках постсоветской парадигмы невозможно. Откладывать модернизацию значит для них всех, и в первую очередь для России и Украины, растущее отставание в развитии, превращаться в задворки Европы.

Для Украины единственным мыслимым в сложившейся ситуации способом выйти из кризиса и резко ускориться в социально-экономическом развитии является использование «человеческого фактора» – высвобождение интеллектуального и производственного потенциала страны, максимально возможная либерализация. Успех или неудача Украины на этом пути окажут большое влияние и на Российскую Федерацию.

Если Украине на этом пути удастся переломить негативные тенденции в экономике и социальной сфере, Россия, убедившись в этом, может пойти тем же путём и, кто знает, возможно, это возвратит большому восточноевропейскому российско-украинскому тандему исторически принадлежащую ему доминирующую здесь роль. Но это станет возможным только в том случае, если он возьмёт на себя роль лидера и двигателя экономической и политической модернизации в Восточной Европе.

Можно сделать вывод: несмотря на то, что и политика соседства, и, в ещё большей мере, программа «Восточного партнёрства» были паллиативами, они в значительной мере способствовали пониманию категорического императива модернизации в Восточной Европе – её глубина, темпы и результаты в критической степени зависят от характера взаимоотношений Российской Федерации и Украины.

«Невозможно объединить в едином экономическом пространстве развитую рыночную экономику ЕС и монополизированную, полукриминальную экономику России, – пишет Ю. Борко. – Невозможно создать общее пространство свободы, безопасности и правосудия, т.к. политические системы стран ЕС и Рос-

сии, а также их судебные системы, по сути, альтернативны. Нельзя создать общее пространство внешней безопасности России и Евросоюза, поскольку, помимо совпадающих или достаточно близких геополитических интересов, существует обширное пространство сталкивающихся интересов. Самое чувствительное из них – острое соперничество на постсоветском пространстве, которое переросло в открытую политико-дипломатическую схватку из-за Украины»³³. Исправить такое положение вещей политические паллиативы типа Восточного партнёрства, конечно же, не в состоянии. Но и «оторвать» Украину от России, при такой плотности и объёме человеческих связей и экономической зависимости друг от друга, тоже невозможно.

Таковыми в самых общих чертах представляются нам обстоятельства и последствия реализации одной из самых амбициозных программ ЕС в Восточной Европе. Результат трудно назвать положительным, но и бесполезной программу назвать нельзя. Как бы мы не оценивали программу в целом, нужно признать, что она ускорила процессы на постсоветском пространстве. Она ещё раз показала, что любые проекты большой европейской интеграции без РФ, равно как и попытки частичной реинтеграции постсоветского пространства без Украины неосуществимы.

Нужно искать другие форматы европейской интеграции, такие, в которых бы все европейские страны могли бы найти себе место. В этом состоит главный урок реализации программы «Восточного партнёрства» применительно к Украине.

*С.А. Забелин**

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО: ОТ ПРАГИ ДО ВИЛЬНЮСА. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ

Принятию проекта «Восточное партнёрство» и началу её непосредственной реализации предшествовал долгий и сложный

³³ Борко Ю.А. *Op. cit.* С. 33.

* Забелин Сергей Александрович, с.н.с. Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН.

путь. Новая европейская инициатива стала вынужденным ответом Евросоюза на вызовы, возникшие в последние годы на фоне изменяющихся геоэкономических и геополитических реалий, как в Европе, так и во всём мире (расширение ЕС, мировой финансовый кризис). В результате последней волны расширения география ЕС претерпела значительные изменения, связанные, прежде всего, с выходом границ Европейского союза к Черноморскому побережью. В то же время очередной импульс к началу более активной разработки идеи Восточного партнёрства, несомненно, придал августовский конфликт 2008 г. на Южном Кавказе.

В этих условиях Евросоюзу пришлось столкнуться с рядом новых серьёзных проблем. И главная из них – возникновение «пояса» новых соседей на восточных и юго-восточных рубежах ЕС. Для Евросоюза это стало отправной точкой более углублённого и дифференцированного подхода к решению таких комплексных вопросов, как «обеспечение стабильности, более эффективного государственного управления и экономического развития стран, расположенных на восток от Европейского союза»³⁴. В то же время новые «еврососеди» – это постсоветские страны, государства, пребывающие в состоянии трудной трансформации. Руководство ЕС считает, что оно вправе внести свой исторический вклад в решение этого вопроса, разумеется, в соответствии с представлениями и интересами Евросоюза. Исходя из этого, ЕС заявил о своей готовности реализовать на постсоветском пространстве ряд конкретных проектов.

На протяжении последних десяти лет основным внешнеполитическим приоритетом Евросоюза оставалась тема региональной стабильности и безопасности. Собственно ради достижения этих целей и задумывалась в 2004 г. Европейская политика соседства (ЕПС). Тем не менее, результативность реализации этой программы оказалась весьма слабой. И главным образом по причине того, что слабо учитывалась специфика стран-соседей. Можно сказать, что полномасштабному осуществлению ЕПС помешала её общая, размытая и недифференцированная

³⁴ Eastern Partnership. MEMO/08/762.Brussels, 3 December 2008. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-08-762_en.htm?locale=en.

ориентированность. Общий подход применялся ко всем странам без учёта их географического положения, экономического развития и внутривластной составляющей.

Фактически ЕПС с самого начала своего существования стала распадаться на две части: восточное и южное направления, где второе стало постепенно ассоциироваться с Союзом для Средиземноморья, а первое явилось отправной точкой для будущего Восточного партнёрства. На этом фоне Евросоюз выдвинул постулат о «Восточном измерении» как отдельной составляющей Европейской политики соседства, получивший, в конечном счёте, название «Восточное партнёрство».

Впервые идея партнёрства была озвучена 26 мая 2008 г. на Совете ЕС. 7 мая 2009 г. в Праге был проведён специальный первый саммит «Восточного партнёрства», на котором была принята совместная декларация, официально утвердившая начало процесса по реализации Восточного партнёрства. Главной составляющей программы было определено развитие интеграционных связей с рядом постсоветских стран – Украиной, Молдовой, Белоруссией, Грузией, Арменией и Азербайджаном. Было также заявлено, что «основной целью инициативы представляется создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между ЕС и странами-участниками»³⁵. Важным аспектом инициативы и одновременно её же главным отличием от ЕПС стало введение новых элементов – тематических платформ, определённым образом конкретизирующих усилия стран-участниц в многостороннем взаимодействии в рамках инициативы:

- демократия, совершенная система управления и стабильность;
- экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, включая создание зоны свободной торговли (ЗСТ);
- энергетическая безопасность;
- развитие контактов между людьми.

³⁵ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit, 7 May 2009, Prague. URL : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/10758.pdf.

В качестве дополнений к программе были инициированы Парламентская ассамблея (EURONEST) и Форум гражданского общества (Civil Society Forum). Последняя инициатива создавалась на ежегодной основе с целью «дальнейшего развития организаций гражданского общества»³⁶. Кроме того, Восточное партнёрство получило конкретное выражение в т.н. «флагманских инициативах», предполагающих ряд программ по сближению со странами-участницами по таким направлениям, как программа приграничного управления, интеграция энергетических рынков и развитие возобновляющихся источников энергии, программа по развитию малого и среднего бизнеса и некоторые другие. И что самое главное: программа предусматривала в перспективе заключение двухсторонних соглашений об ассоциации со странами-участницами – фактор, который мог бы способствовать постепенной интеграции стран в европейское пространство. Что касается общего бюджета, то на реализацию программы Евросоюз в 2009 г. в первоначальном виде планировал выделить в рамках Европейского инструмента соседства и партнёрства (ENPI) до €600 млн, затем эту сумму было решено увеличить до €1,9 млрд на период 2010–2013 гг.

К одному из центральных аспектов Пражской декларации следует отнести т.н. принцип обусловленности, в соответствии с которым Европейский союз планировал руководствоваться в своей деятельности в рамках Восточного партнёрства: «То, насколько мы продвинемся в отношениях с каждой из стран-участниц будет зависеть от прогресса, достигнутого нашими партнёрами на пути реформ и модернизации»³⁷.

На базе двухсторонних соглашений со странами-участницами Восточного партнёрства в перспективе предполагалось введение облегчённого визового режима с ЕС, что дало бы возможность гражданам стран-участниц активизировать бизнес, туризм,

³⁶ Meeting of the Steering Committee of the Eastern Partnership Civil Society Forum – the Results and Next Steps Leading to the Gathering in Brussels on 16-17 November 2009. URL: http://eeas.europa.eu/eastern/civil_society/docs/scso_091009_en.pdf.

³⁷ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78). URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf.

способствовало бы упрощению в вопросе миграции рабочей силы и сделало бы доступным получение образования в ЕС для молодёжи из стран «Восточного партнёрства». На данный момент подобные соглашения у Евросоюза подписаны с Украиной и Молдовой (с 1 января 2008 г.) и с Грузией (с июня 2010 г.)³⁸.

По итогам первого года реализации «Восточного партнёрства» в 2010 г. можно было сделать вывод о том, что в силу своей объёмности и за явной краткостью временного отрезка, такая амбициозная и широкоформатная программа, как Восточное партнёрство, просто не смогла начать полноценно функционировать. Внутри самого Европейского союза с его многочисленными политическими игроками и классической бюрократией согласование большинства вопросов занимало продолжительное время. К тому же в формате Восточного партнёрства добавлялся комплекс зачастую противоречивых интересов самих стран-участниц. Примером может послужить ситуация с уже упомянутой ранее межпарламентской ассамблеей «EURONEST». За прошедший с начала программы год так не было проведено ни одного заседания этой организации. Функционирование этой организации застопорилось из-за позиции парламентариев стран-участниц Восточного партнёрства, которые заявили, что не видят своего участия в «EURONEST» без равноправного участия белорусского парламента. Также был продолжен мониторинг работы Форума гражданского общества, который должен функционировать на постоянной основе, имея плотные связи с тематическими платформами и флагманскими инициативами. По замыслу, Форум также должен был помочь укреплению гражданского общества в странах-участницах, и способствовать как обмену опытом, так и совместному финансированию различных проектов между гражданскими организациями стран Восточного партнёрства и стран-членов Евросоюза³⁹.

³⁸ Потёмкина О.Ю. Продвижение к безвизовому режиму: опыт Сербии для России и стран «Восточного партнёрства». Выстраивая добрососедство. «Россия на пространствах Европы». Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. М., Весь мир, 2013. С. 161-169.

³⁹ The European Commission, «Eastern partnership: Communication from the European Commission to the European Parliament and the Council», 3 December 2008. URL: http://www.fride.org/download/WP99_EP_ENG_may10.pdf.

Незначительность первых результатов «Восточного партнёрства» совпала с периодом институциональной трансформации внутри ЕС. До ратификации Лиссабонского договора последним государством-членом – Чехией – всё внимание и политические усилия внутри объединённой Европы были направлены на поиск выхода из затянувшегося периода институциональной неопределённости, грозившего перерасти в настоящий системный кризис. А после вступления в силу 1 декабря 2009 г. нового базового договора центральное место на повестке дня Евросоюза стали занимать вопросы практической реализации лиссабонских реформ. Достаточно масштабные нововведения должны были коснуться и сферы общей внешней политики и политики безопасности, составной частью которой являлось Восточное партнёрство.

Безусловно, возможности прогресса новой инициативы ЕС в первый год её существования были затруднены мировым экономическим кризисом, серьёзно затронувшим страны Европейского союза. Некоторые из них (например, Греция и Испания) даже оказались на грани дефолта, что до сих пор представляется главной головной болью Евросоюза в целом и Еврозоны в частности. В результате чего наполняемость бюджета Восточного партнёрства могла оказаться под вопросом.

И всё же инициатива «Восточное партнёрство» сделала видимый шаг вперёд по сравнению с предыдущей политикой ЕС – ЕПС. Еврокомиссар по вопросам расширения и политики соседства Ш. Фюле, оценивая итоги первого года, отмечал, что «это было успехом». Тем не менее, Восточное партнёрство во многом оставалось лишь потенциальным инструментом для сближения восточных стран-соседей с Евросоюзом. Вопрос о том, насколько новая политика смогла быть успешной в отношении столь разных стран, включённых в инициативу, остался открытым. А сложность и многомерность проблемы европеизации региона Восточного партнёрства, внутренние противоречия Европейской политики соседства и Восточного партнёрства потребовали глубокого осмысления и привлечения внимания многих европейских исследовательских центров.

Важно отметить, что идеологическая составляющая Восточ-

ного партнёрства, собственно как и цели, которые программа преследовала – это политическая ассоциация и экономическая интеграция стран-участниц с Европейским союзом. На начальных этапах реализации инициативы приводились многочисленные экспертные оценки на предмет того, на каких базовых принципах должны строиться отношения ЕС со странами-участницами Восточного партнёрства. Как известно, в конечном счёте возобладал принцип «обусловленности». В то же время были и другие точки зрения. К примеру, озвучивался принцип «вовлечённости», подразумевавший подключение к сотрудничеству в рамках Восточного партнёрства третьих стран, таких как Россия и Турция. Это могло бы сделать инициативу более эффективной и привлекательной для стран-участниц⁴⁰. Принцип «сферы влияния». Суть этого подхода заключалась в том, что Восточное партнёрство воспринималось Россией как прямая угроза её интересам в регионе, а победитель может быть только один. В то время как Евросоюз продолжал настаивать на том, что участие в инициативе одинаково выгодно для всех сторон⁴¹. Принцип «европеизации». С одной стороны, Евросоюз стремится распространять демократические ценности, уважение к правам человека и верховенству закона, а с другой – он нацелен на продвижение собственных интересов, укрепление границ и защиту своих граждан. Иногда это вынуждало ЕС делать такие шаги, которые не укладывались в «этику ценностей»⁴².

Обзору достигнутых результатов и планов на будущее был посвящён очередной плановый саммит «Восточного партнёрства», проходивший 29-30 сентября 2011 г. в Варшаве. Его про-

⁴⁰ Tsantoulis Y. Black Sea Synergy and Eastern Partnership: Different Centers of Gravity, Complementary or Confusing Signals? URL: <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?fecvnodeid=133245&ord588=grp1&dom=1&groupot593=0c54e3b3-1e9c-be1e-2c24-a6a8c7060233&ots591=0c54e3b3-1e9c-be1e-2c24-a6a8c7060233&lng=en&fecvid=21&v21=133245&id=104869>.

⁴¹ Schaffer S. «Russia and the Eastern Partnership: from Zero-Sum to Positive-Sum». URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/sebastian-sch%C3%A4ffer/russia-and-eastern-partnership-from-zero-sum-to-positive-sum>.

⁴² Bosse G., Korosteleva E. Europeanising or Securitizing «the Outsiders», ESRC Research Project on the European Neighbourhood Policy, Department of International Politics, Aberystwyth University. URL: <http://www.esrcsocietytoday.ac.uk/ESRCInfoCentre/minisites/widereurope/>.

ведение существенно осложнялось различными политическими и экономическими факторами. В первую очередь, это кризис еврозоны, который поставил под вопрос дальнейшее финансирование этой программы. Другая же проблема – последствия Арабской весны, в силу чего южные европейские страны были сильно озабочены ситуацией в Северной Африке и на Ближнем Востоке и возможным наплывом мигрантов.

Тем не менее, саммит прошёл на позитивной ноте, и итогом его работы стало подписание политической декларации⁴³. Отдельно обсуждался вопрос о завершении переговоров о ЗТС с Украиной и начале аналогичных консультаций с Молдавией и Грузией. Было заявлено о завершении переговоров ЕС с Грузией по упрощению визового режима, а также отмечено, что подобные переговоры ведутся с Украиной и Молдавией и будут проведены с Азербайджаном, Арменией и Белоруссией.

Ещё один важный элемент – новое отношение к либерализации визового режима. Если ранее в ЕС говорили, что это «длительный процесс», то теперь твёрдо было заявлено, что либерализация произойдёт, как только страны «Восточного партнёрства» выполнят все необходимые условия. Декларация также предусматривала развитие в области образования, сельского хозяйства, энергетической безопасности.

Относительно перспектив вступления стран-участниц Восточного партнёрства в ЕС тогдашний польский министр по европейским делам М. Довгелевич пояснил, что «само их участие в этой программе – своеобразное признание их европейского будущего, которое может стать реальностью. Однако до этого им придётся провести реформы и доказать приверженность европейским ценностям» (права человека, гражданское общество, свободная экономика). Он также подчеркнул, что впервые речь идёт о глубокой интеграции ряда стран во внутренний рынок ЕС, после которой гораздо легче будет говорить уже о политической интеграции.

Что касается отношений с Россией, министр отметил, что

⁴³ Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Warsaw, 29-30 September 2011. 14983/11 PRESSE 341. URL:http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/124843.pdf.

Польша придавала особое значение скорейшему решению двух вопросов: завершению переговоров о вступлении РФ в ВТО и облегчению визового режима для жителей Калининградской области. В отношении Калининградской области Польша предлагала предоставить всем жителям российского анклава возможность безвизового посещения соседних польских территорий.

В Декларации также подтверждалось, что Восточное партнёрство должно и в дальнейшем способствовать установлению стабильности и многостороннего доверия. Особо подчёркивалась необходимость скорейшего мирного урегулирования конфликтов в странах-участницах на основе принципов и норм международного права, а также приветствовалось назначение нового Специального представителя ЕС по делам Южного Кавказа и кризиса в Грузии.

По итогам саммита в Варшаве безоговорочным лидером программы была названа Республика Молдова. Председатель Европейского Совета Х. ван Ромпей назвал Молдавию одним из лидеров Восточного партнёрства и отметил, что страна «доказала, что переходный период в политике может быть мирным, что свободные и честные выборы и подлинная приверженность реформам могут воплотить демократические ценности в жизнь». Он также добавил, что ЕС также продемонстрировала готовность к расширению сотрудничества с Молдавией по всем направлениям. В этой связи Молдавией выделялась самая существенная финансовая поддержка от Евросоюза в рамках Восточного партнёрства (€78,6 млн). Средства предполагалось направить на поддержку энергетического сектора, системы юстиции, разрешение конфликта в Приднестровье и углубление отношений с Европейским союзом. Также было с удовлетворением воспринято подписание буквально накануне саммита соглашения между Молдавией и Украиной о статусе демаркационной линии между странами на участке трассы Одесса-Рени в районе Паланки⁴⁴.

⁴⁴ Statement by High Representative Catherine Ashton and Commissioner Štefan Füle on the Agreement between the Republic of Moldova and Ukraine over the Palanca Issue. Brussels, 1 July 2011. A 256/11. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/123356.pdf.

Второй страной по объёму выделенных средств стала Грузия, которая показала наилучшие результаты в своём регионе. Европейский Союз предоставил Грузии €50,73 млн, которые должны были помочь продолжить преобразования в области уголовного правосудия и усилить поддержку переселенцев, появившихся после конфликта с Россией в 2008 г. Эти средства также могли бы способствовать проведению структурных реформ, призванных приблизить страну к стандартам ЕС. Важно отметить, что перспективы развития программы «Восточное партнёрство» в Грузии также зависели от ситуации вокруг нерешённых вопросов о территориальной целостности страны и юридического статуса Абхазии и Южной Осетии.

Украине, которая до того времени претендовала на роль лидера Восточного партнёрства, но не закрепила на этой позиции, выделялось €30 млн. Эти средства направлялись на устойчивое развитие, укрепление верховенства закона, подготовку к подписанию соглашения об ассоциации и соглашения о зоне свободной торговли.

Армения в рамках «Восточного партнёрства» получала €19,1 млн с целью повышения эффективности работы структур, ответственных за сотрудничество с ЕС. Прежде всего, должны быть усилены технические и административные возможности в секторе торговли и либерализации визового режима.

Белоруссия и Азербайджан оказались в ситуации неопределённости. Очевидно, что главным препятствием для принятия годовых планов для этих участниц программы оказалось положение дел с демократией и правами человека в этих странах.

Очередной, третий по счёту, саммит «Восточного партнёрства», проходивший 28-29 ноября 2013 г. в Вильнюсе, как ожидалось, должен был стать подлинным прорывом во внешней политике ЕС на восточном направлении. Тем не менее, некоторые российские эксперты прямо назвали общий итог саммита «техническим поражением Брюсселя». Примерно таких же настроений, правда только по форме, но не по содержанию, придерживались и многие зарубежные эксперты и политики, выступая с критическими заявлениями по завершении мероприятия и называя всё происходящее «саммитом несбывшихся надежд».

Главным провалом саммита в Вильнюсе стал отказ Украины подписать соглашение об ассоциации с ЕС, и предпринятый украинским руководством тактический выбор в пользу России. В Евросоюзе это связывали с давлением России на постсоветские страны. Х. ван Ромпей в одном из интервью жёстко раскритиковал Россию, чьи действия в отношении восточных партнёров, по его словам, противоречат нормам международных отношений. Под этим имелось в виду и ужесточение со стороны Москвы таможенного контроля на российско-украинской границе, и ограничение поставок украинских продовольственных товаров на территорию России, и высказывания видных российских политиков и экспертов о несостоятельности предположений о возможности одновременного участия стран, подписавших соглашение с ЕС об ассоциации, в Таможенном союзе. Со своей стороны, программа «Восточное партнёрство», по заявлениям официальных представителей ЕС, не направлена против России, однако при этом Евросоюз, по сути, ставит страны-участницы перед выбором – либо интеграция с ЕС, либо Таможенный союз с Россией. В общем, нашла коса на камень.

Тем не менее, определённым успехом саммита можно назвать парафирование текста соглашения об ассоциации с Евросоюзом Грузии и Молдавии, а также готовность этих стран в ближайшее время подписать с ЕС договор о ЗТС. Молдавия и ЕС надеются подписать Соглашение об ассоциации не позднее осени 2014 г., при нынешнем мандате Европарламента и Еврокомиссии. Возможно, что в эти же сроки будет принято решение о либерализации визового режима для молдавских граждан. Накануне саммита в Вильнюсе Еврокомиссия внесла такое предложение в Европарламент и Совет Евросоюза. Азербайджан от ассоциации отказался, ссылаясь на то, что страна не является членом ВТО, впрочем, как и Армения, которая пока не отказывается от перспективы присоединения к Таможенному союзу. И всё же Азербайджан подписал соглашение об упрощении визового режима с Европейским союзом. Договор предусматривает облегчение для Баку процедуры получения виз в страны Евросоюза, главным образом для бизнесменов, студентов, деятелей науки и культуры, а также граждан, выезжающих на лече-

ние. Что касается Белоруссии, то процесс ратификации соглашения о партнёрстве и сотрудничества с ЕС был заморожен ещё в 1997 г. по причине сложившейся политической ситуации в стране⁴⁵.

По мнению украинского руководства, Украина подпишет соглашение только после того, как будут созданы необходимые экономические условия: «Мы будем делать всё, чтобы Украина стала экономически более крепкой. Как только мы выйдем на тот уровень, чтобы нам было комфортно, мы пойдём на подписание соглашения», – отметил Президент Украины В. Янукович. По словам президента, для перехода экономики страны на европейские стандарты необходимо не менее € 20 млрд в год, а в целом до 2017 г. – примерно €160 млрд. Последние цифры сопоставляются европейскими экспертами.

В целом Восточное партнёрство можно расценивать как один из наиболее успешных и амбициозных европейских проектов в формате многостороннего сотрудничества последних лет. Несмотря на отсутствие на первый взгляд заметных результатов имплементации программы, при более детальном рассмотрении становится понятно, что этот этап в построении отношений Европейского союза с восточными соседями – всего лишь часть большого процесса «трансформации инструментального подхода» внутри самого ЕС по выходу из институционального тупика⁴⁶.

Какова же оценка пройденного программой «Восточное партнёрство» пути с точки зрения перспективности её дальнейшей реализации? Стоит отметить, что большинство европейских экспертов сходятся во мнении, что Европейский Союз предлагает странам-участницам Восточного партнёрства слишком мало, а ожидает от них слишком много. Поэтому, по их мнению, ЕС должен серьёзно увеличить объём поддержки проекта и предложить дополнительные преимущества тем странам, ко-

⁴⁵ Signatures and declarations at the third Eastern Partnership summit. Vilnius, 29 November 2013 131129/05. URL: http://eeas.europa.eu/statements/docs/2013/131129_05_en.pdf.

⁴⁶ Болгова И. Восточное партнёрство: Европейский союз в поисках новой внешнеполитической идентичности. «Европейский союз в XXI веке: время испытаний», под ред. О.Ю. Потёмкиной. М., Весь мир, 2012. С. 380-397.

торые наиболее активно занимаются проведением реформ – таким как Украина, Молдова и Грузия. В свою очередь, принцип «обусловленности» в случае его применения должен соблюдаться всегда, чтобы исключить возможность заявлять о двойных стандартах при его использовании⁴⁷. Эффективность принципа «обусловленности» и заинтересованность стран-участниц в реформах существенно повысилась бы, если бы Евросоюз занял более определённую позицию в вопросе о перспективах европейского членства стран-участниц Восточного партнёрства.

Несмотря на присутствие определённой «усталости» ЕС от процесса интеграции, сама возможность членства других стран в Евросоюзе как принцип должна оставаться всегда. А для того, чтобы реформы в странах-участницах «Восточного партнёрства» не затягивались надолго, не исключено, что ЕС будет активизировать развитие долгосрочных образовательных программ для молодёжи из стран региона с целью формирования нового поколения, разделяющего европейские ценности, как это было в своё время, к примеру, со странами ЦВЕ. И, безусловно, программа Евросоюза «Восточное партнёрство» обречена на неудачу, если дальнейшие решения будут приниматься без оглядки на Россию – крупнейшего действующего игрока в регионе.

*В.А. Оленченко**

ВИЛЬНЮССКИЙ ЭТАП ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА. ИНТЕРЕСЫ ЕС И США

Экономический кризис 2008–2009 гг. побудил многие страны, организации, компании приступить к корректировке своих стратегий и выработке антикризисных программных документов. Этот процесс нашёл своё отражение и в рамках Евросоюза, в частности, в качестве мер первоочередного реагирования можно упомянуть два международных проекта: программу «Во-

⁴⁷ FRIDE. «The future of the Eastern Partnership: Challenges and Opportunities». 24 February 2010. URL: <http://www.fride.org/publication/726/the-future-of-the-eastern-partnership:-challenges-and-opportunities>.

Оленченко Владимир Анатольевич, к.ю.н., с.н.с. Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

сточное партнёрство» и Стратегию Балтийского региона, принятых в качестве официальных документов ЕС в 2009 г. Правда, в разных половинах года, т.е. под разным председательством в Евросоюзе: Восточное партнёрство – под эгидой Чехии, а Стратегия Балтийского региона – Швеции.

Вряд ли уместно оценивать названные документы изолированно друг от друга и от остальных направлений стратегии того времени. Обе программы, по мнению автора, отражают процесс концептуальных поисков в Евросоюзе, направленных на выявление источников и определение путей выхода из состояния мировой экономической турбулентности.

Так, Стратегия Балтийского региона предполагает некую фрагментацию в Евросоюзе по двум принципам. Один выражается в том, что страны-инвесторы, независимо от того, занимаются ли они финансовым или реальным инвестированием, брали бы на себя ответственность по оказанию странам-реципиентам инвестиций, методической и политической помощи. Другой принцип видится в том, что подобные процессы должны быть обоснованы географической близостью. Оптимальным сочетанием обоих принципов видится пример взаимоотношений Северной Европы и Прибалтики. И поэтому Стратегия Балтийского региона была названа пилотным проектом⁴⁸.

Иную задачу, но в том же направлении решает программа «Восточное партнёрство», которая предполагает правовую, экономическую и политическую трансформацию стран европейской части постсоветского пространства. Одна из целей программы – создание дополнительного ёмкого рынка для продукции Евросоюза и обеспечения тем самым устойчивого роста экономик ЕС.

Программа «Восточное партнёрство» вошла в политический оборот в мае 2009 г., когда руководители стран-участниц обнародовали в Праге (Чехия) совместную декларацию о намерении движения в сторону более плотного сближения с ЕС, имея в виду установление в перспективе режима ассоциации, предполагающей также и зону свободной торговли (ЗСТ) меж-

⁴⁸ См. «Стратегия ЕС в отношении региона Балтийского моря». URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/eu_russia/action_plan_ru.pdf.

ду ними и пространством ЕС.

Речь шла о шести странах: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова. Украина, пять из которых являются членами Содружеств Независимых Государств (СНГ). Программа «Восточное партнёрство» имела своей целью внешнеполитической переориентации перечисленных стран.

Стержневой частью программы «Восточное партнёрство» стала Украина. Её центральное место было обусловлено двумя обстоятельствами. Первое и главное из них состоит в том, что по своим масштабам: территории, населению, природным ресурсам, а также по трудовым и производственным мощностям Украина в случае её преобразования в рынок Евросоюза наверняка была бы способна обеспечить стабильное потребление импорта из стран ЕС в течение продолжительного времени. Другое обстоятельство было связано с тем, что Украина заметно превосходила по всем показателям остальных участников программы «Восточное партнёрство» и, следовательно, в случае её успешной ассоциации с Евросоюзом она стала бы убедительным примером для остальных.

Однако перечисленными обстоятельствами важность евроатлантической ассоциации Украины не исчерпывается, здесь просматриваются и интересы США. Как известно, между Евросоюзом и США в 2013 г. активизировались переговоры о заключении соглашения о партнёрстве в торговле и инвестициях. В конце августа президент Б. Обама провёл отдельную встречу с руководителями стран Балтии, где одним из стержневых вопросов стала реализация программы «Восточное партнёрство». Показательной стала и роль США в период кризиса, разразившегося в Украине.

Исходя из сказанного, целесообразно рассматривать Договор об ассоциации Евросоюза и Украины, как часть более широкого плана реконструкции экономического пространства, предусматривающего формирование и поддержание дополнительных рынков для Евросоюза и Северной Америки. В эту линию логично вписываются и сроки постепенного заключения Евросоюзом Договоров об ассоциации со странами-участницами Восточного партнёрства. Если внимательно посмотреть на предла-

гаемые Евросоюзом даты и порядок подписания договоров об ассоциации, то невольно складывается представление о своего рода графике подготовки будущих рынков, который, видимо, нацелен на поддержание стабильного спроса.

Не может не вызывать интереса концептуальная основа предлагаемого сближения стран европейской части постсоветского пространства, т.к. она отражает евроатлантическое видение состояния и перспектив развития региона и континента. Так, Евросоюз и США в той или иной форме продвигают тезис о том, что Украине необходимо сделать исторический выбор между Европой и Россией.

Первая возможность пропагандируется как движение в сторону демократии и того открытого общества, передвижником которого выступает влиятельный американский инвестор Д. Сорос, провозглашающий своей целью продвижение и культивирование американских стандартов жизни и бизнеса.

Россия же объявляется идеологической и экономической противоположностью Евросоюзу, а Украине предлагается лишь одна возможность развития, хотя по своим параметрам она заметно превосходит большинство европейских стран и вполне может претендовать на выбор самостоятельного пути. Соответственно, западные лобби на Украине сводит линию исторической самостоятельности и добрососедских отношений с Россией в единое целое и противопоставляет всё вместе предложениям Евросоюза об ассоциации.

Демонстрируемые Евросоюзом и США подходы к Украине обнажают концептуальные подходы обоих партнёров к отношениям с Россией, сформировавшиеся в международной политике в период холодной войны. В концентрированном виде они представлены в книге известного американского политика и политолога З. Бжезинского, который, наряду с другими идеями, проводит мысль о том, что мощь России в заметной степени проистекает из её исторического союза с Украиной⁴⁹. Отсюда американский стратег делает вывод о том, что инициирование процесса отмежевания Украины от России неизбежно приведёт к ослаблению российских позиций и соответственно сужению

⁴⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 114-115.

её значения на международной арене. Сказанное во многом объясняет нынешнюю роль украинского вопроса в отношениях между Россией, Евросоюзом и США, даёт пояснение многим трудностям в проведении с ними, вместе и по отдельности, диалога по проблематике Восточного партнёрства.

Что касается собственно механизма преобразования Украины в партнёра Евросоюза и США, то заметная часть российских экспертов исходит из того, что уровень жизни украинского населения невысок и первоначально Украина будет своего рода обузой для Евросоюза, пока она не обретёт достаточного экономического ресурса.

В то же время, очевидно, что Украина не могла бы обрести роль партнёра Евросоюза и США, оставаясь промышленно развитым и сельскохозяйственно обеспеченным государством, т.к. в этом случае Евросоюзу и США следовало бы принять на себя функции импортёров украинских товаров, услуг и инвестиций. Поэтому, договор об ассоциации Украины с Евросоюзом составлен так, что его содержание предусматривает такие правила, при которых не украинские, а европейские и в перспективе американские товары, услуги и инвестиции получают неоспоримые конкурентные преимущества.

Продолжая анализ, следует попытаться ответить на вопрос о том, зачем Евросоюзу и в будущем США льготные условия для своих товаров и услуг, если уровень жизни украинского населения не высок и его покупательная способность близка к нулю. Подсказкой может послужить схема, апробированная Евросоюзом и США в странах Балтии, где в период 2000-х гг. до наступления кризиса в 2008 г. европейские банки выдавали кредиты, условия предоставления которых предусматривали большой период их возврата – до сорока лет и очень низкие проценты, в некоторых случаях не превышавшие 2% годовых. Естественной реакцией местного населения и национального мелкого и среднего бизнеса было стремление воспользоваться столь льготными условиями. В результате на настоящий момент суммарная задолженность стран Балтии североевропейским банкам оценивается на уровне €60 млрд⁵⁰. С точки зрения банковского биз-

⁵⁰ Оленченко В. Страны Балтии: особенности современного развития. Год

неса эта цифра может служить показателем долговой ёмкости стран Балтии.

Если соотношение между населением стран Балтии и её совокупным долгом перенести на численность населения Украины, то можно получить примерную цифру долговой ёмкости украинского потребительского рынка, это около полумиллиарда евро. Такая сумма звучит солидно и в состоянии обеспечить стабильный спрос товарам и услугам Евросоюза на довольно продолжительный период, что одновременно будет означать поступательный и продолжительный рост экономик стран Евросоюза.

На первый взгляд, названная сумма кажется малосовместимой с экономиками стран Северной Европы. Однако при более углублённом рассмотрении, в частности, при принятии во внимание того, что североευропейские банки в своей заметной части фондируются пенсионными и страховыми фондами США, названная сумма уже не кажется запредельной. В целом же всё сказанное даёт веские основания считать гипотезу о том, что Евросоюз и США могут применить по отношению к Украине прибалтийский сценарий кредитования, не выглядит далёкой от реального положения вещей.

Тем не менее, обнаружение программы «Восточное партнёрство» и запуск её в действие не вызвал официальной отрицательной реакции ни со стороны России, ни со стороны руководящих органов СНГ, а, тем более, никакой озабоченности не прозвучало в странах-участницах. Российское экспертное сообщество разделилось на две группы, доминировавшая из которых не считала нужным воспринимать всерьёз программу «Восточного партнёрства», полагая, что она носит большей частью пропагандистский характер и дальше деклараций не пойдёт. В рамках этой точки зрения даже высказывалось мнение, что программа может послужить дополнительным полем сближения между Россией и Евросоюзом. Меньшая часть экспертов допускала, что ЕС будет поступательно и основательно проводить линию на реализацию принятой им программы по вовлечению в свою орбиту стран СНГ в ущерб российским интересам.

планеты. М., ИМЭМО РАН. 2012. С. 378.

В конечном итоге на тот период в российской политической среде возобладал оптимистический взгляд на программу «Восточное партнёрство» и профильным министерствам была поставлена задача разработки на уровне идей проектов возможного ведомственного участия в программе «Восточного партнёрства»⁵¹.

Дальнейший ход событий как бы подтвердил точку зрения оптимистов. Особых внешних изменений в действии ЕС в отношении стран-участниц не отмечалось. Проходили регулярные консультации по возможному воплощению в жизнь установок «Восточного партнёрства». Более активно действовали Молдова, Грузия, наметились середняки: Азербайджан и Армения, за полем внимания оставались Белоруссия и Украина. С последней велись ещё до провозглашения программы многолетние переговоры по созданию особого статуса отношений с Евросоюзом.

Подводя итог, можно было бы заметить, что в настоящее время и на перспективу следовало бы отказаться от практики воспринимать предлагаемые Евросоюзом и США инициативы и программы, как проявление некоего миролюбия или благотворительности, и внимательно и всесторонне, но, конечно же, непредубеждённо проанализировать их действия и позиции, в т.ч. и с точки зрения объективных интересов России. Необходима также выработка долгосрочной стратегии и тактики самой России по своевременному и не конфронтационному реагированию на действия Евросоюза на постсоветском пространстве.

*П.Е. Кандель**

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ НА ПОЛЯХ ДИСКУССИИ

О мотивах и последствиях возможного подписания Украиной соглашений об ассоциации с ЕС сказано было уже много. Между тем обойдён вниманием самый очевидный и, на мой взгляд, наиболее значимый для самого В. Януковича и для его

⁵¹ Из бесед с сотрудниками профильных ведомств.

* Кандель Павел Ефимович, к.и.н., в.н.с. Центра этно-политических и межгосударственных конфликтов ИЕ РАН.

партии мотив: их электоральные расчёты. С этой точки зрения оптимальный для них вариант, дающий надежду на победу, должен был содержать три противоречивых элемента. Подписание соглашения было призвано выбить почву у оппозиции, перехватив у неё наиболее привлекательные лозунги и часть электората, и легитимизировать удачные для себя результаты выборов перед европейским общественным мнением. Существенно было при этом не допустить опасного для власти возвращения Ю. Тимошенко в украинскую политику, не важно: удерживая ли её в тюрьме или отправив в немецкую клинику. Не рассориться окончательно с Москвой, что привело бы к скорому обрушению украинской экономики и утрате собственной электоральной базы. Жёсткое одновременное давление со стороны, как Москвы, так и Брюсселя, сделали реализацию этого противоречивого проекта невозможной, но он не стал менее желанным. Поэтому В. Янукович не оставляет попыток соединить несочетаемое. Договорившись с Москвой и отказавшись подписать соглашение с ЕС, он едет в Вильнюс, продолжает торг с Брюсселем, обещая прийти к соглашению на новых, лучших условиях.

Между тем «пророссийский» В. Янукович во многом повторяет политику «пророссийского» Л. Кучмы. И такая политика исходит не только из мало меняющейся электоральной географии Украины, но и имеет более долговременные основы. Вряд ли нужно доказывать уже ставшую банальностью мысль, что Россия «обречена» быть центром постсоветского пространства. Стоит, правда, добавить, что такая роль будет сохраняться за ней лишь до тех пор, пока это подвергающееся всё большей эрозии пространство ещё продолжит существовать. Но даже изначальная российскоцентричность постсоветского пространства, вызванная очевидной несоразмерностью удельных весов России и её ближних партнеров, с неизбежностью предполагает и прямо противоположную тенденцию. Они столь же «обречены» на проведение такого политического курса и такую ориентацию внешнеэкономических связей, которые позволяли бы уравновешивать и компенсировать высокую степень зависимости от России одновременным и параллельным развитием отношений с другими центрами силы, будь то ЕС, Китай или Турция.

Можно условно назвать это «политикой неприсоединения», имея в виду блистательный образец, которым представляется СФРЮ времен Й. Броз-Тито. Можно обозначить её как многовекторность, или именовать как-то иначе, но суть её от этого не меняется. К тому же Россия уже не является ни единственным, ни наиболее мощным центром экономической и политической силы в этом регионе, где постсоветское его качество всё более относится к истории, а не дню сегодняшнему. Так, в 2012 г. удельный вес СНГ во внешней торговле РФ составлял 14,4%, а на РФ приходилось 18% экспорта стран СНГ и 38% их импорта. Доля взаимной торговли в общем товарообороте стран СНГ в 2012 г. снизилась до 21,1%, в ЕврАзЭС – до 12,7%, в Таможенном союзе – до 11,9%⁵². В свете этих данных убедительным представляется вывод: «...И при сохранении благоприятной мировой конъюнктуры вряд ли стоит рассчитывать как на увеличение доли региона СНГ в торговле России, так и составляющей нашей страны в суммарном внешнеторговом обороте Содружества... Россия и другие страны СНГ и в дальнейшем будут нацелены на включение в мировые торговые, финансовые и инвестиционные потоки, а также на заимствование передовых технологий из развитых центров мировой экономики...»⁵³. Таким образом, многовекторность на пространстве, которое уместно уже переименовать в «пост-постсоветское», становится для всех его субъектов, включая саму Россию, императивной. Эта тенденция ощутима даже среди ближайших союзников РФ по ОДКБ и Таможенному союзу.

Накануне Вильнюсского саммита Восточного партнёрства Москве удачными политическими манёврами и щедрыми экономическими льготами удалось одержать тактическую победу. Правда, добившись отсрочки экономического банкротства администрации В. Януковича накануне выборов, России вряд ли удастся избавить его от политического поражения. Нужно ли добавлять, что столь слабый и ненадёжный партнёр в любом случае будет сомнительным гарантом российских интересов на

⁵² Чеклина Т.Н. Среднесрочные перспективы торговли России со странами СНГ. БИКИ, июль–сентябрь 2013. № 49. С. 25, 27.

⁵³ Чеклина Т.Н. *Op. cit.* С. 30.

Украине, что он уже не раз доказывал. Между тем при доминировании про-российских настроений среди значительной части населения Украины России так и не удалось обрести сколько-нибудь надёжного их политического выразителя. Без решения этой задачи тактические успехи России таковыми и останутся.

Со схожими проблемами сталкивается Россия и в Молдове. В ноябре 2013 г. в Вильнюсе на встрече руководителей стран Восточного партнёрства были парафированы соглашения Молдовы с ЕС об ассоциации, о «зоне углублённой и всесторонней свободной торговли», и о либерализации визового режима. На осень 2014 г. намечено их подписание, после чего в регионе сложится качественно новая ситуация. На первых порах молдавские власти в соответствии с данными соглашениями будут понуждать население ПМР к принятию гражданства Молдовы, а экономических агентов Приднестровья – к функционированию по новым «европейским» стандартам. Поскольку власти ПМР уже заявили о своём выборе в пользу Евразийского и Таможенного союзов, закреплённом и в новой концепции внешней политики, то реальным следствием станет дальнейшее обособление территорий по обоим берегам Днестра и фактическое превращение административной границы – в межгосударственную. Если же сценарий подневольной «европеизации» Приднестровья не сработает, власти Молдовы, похоже, готовы примириться с его утратой, если на то будет «отмашка» из Брюсселя.

Дополнительным фактором, снижающим шансы на урегулирование конфликта, являются новые примеры и прецеденты, порождаемые развитием ситуации вокруг Косово. Нынешние власти Сербии, стремясь к скорейшему началу переговоров о вступлении в ЕС, не только, по сути, признали Косово, но и передали под контроль Приштины населённую сербами его северную часть. Белград пока отказывается признать независимость Косово *de jure*. Но лёгкость и быстрота, с которой нынешние сербские лидеры, имевшие репутацию «националистов» и «русофилов», практически безвозмездно отдали то, за что можно было бы побороться, свидетельствует об их готовности идти на всё ради приёма в ЕС. Некоторые признаки указывают, что и румынское правительство, упорствовавшее в нежелании призна-

вать независимое Косово, может переменить позицию. Примечательно, что на сербский пример сослался директор румынского института международных отношений и бывший советник лидера молдавских «унионистов» Д. Дунгачиу, призвав Молдавию уступить Приднестровье в обмен на евроинтеграцию.

Складывающаяся ситуация открывает для России новые возможности, но в ещё большей мере ставит перед новыми вызовами. В ближайшей перспективе попытки давления Кишинёва на ПМР изменением миграционного и таможенного режимов потребуют от Москвы наращивания политико-дипломатического противодействия ему и увеличения финансовой помощи, чтобы не допустить удушения Приднестровья. Активизация российских усилий на этом направлении заметна, но есть основания сомневаться, что их окажется достаточно. В настоящее время, по признанию заместителя министра иностранных дел ПМР И. Шорникова, порядка 30% приднестровского экспорта идёт в ЕС. Немного меньше направляется в Молдову. Вопреки расхожим представлениям на РФ в 2011 г. приходилось 23,6% приднестровского экспорта, хотя и 46,3% импорта, что говорит о масштабах требуемой переориентации. Не секрет, что экономическая жизнеспособность ПМР прямо зависит от размеров прямой и косвенной российской помощи.

По мере окончательного перехода Молдовы на орбиту Брюсселя Россия вне зависимости от её желания будет поставлена перед необходимостью выбора. Ведь традиционная функция, отводимая Приднестровью – служить якорем, удерживающим Молдову от дрейфа в сторону Румынии и/или ЕС, окажется исчерпанной. Между тем приднестровские устремления в Таможенный союз вряд ли будут встречены с энтузиазмом всеми его участниками. Да и практическую их реализацию трудно представить без согласия Украины, что уже достаточно проблематично. Допустимо предположить, что в Тирасполе за неимением лучшего были бы готовы присоединиться хоть к Украине (в начале 1990-х гг. зондировался и такой вариант). Но в Киеве, ведущему свою сложную игру с Брюсселем и имеющему основания опасливо относиться к изменениям границ, вряд ли обрадуются «подарку».

Нельзя исключать, что нынешнее, правительство Ю. Лянкэ долго не продержится, и что «зона углублённой и всесторонней свободной торговли с ЕС» окончательно добьёт молдавскую экономику. Можно ждать, что новые выборы вернут к власти Партию коммунистов РМ, которая ныне декларирует себя поборницей евразийской интеграции. Но, как показывает опыт, регулярные предвыборные дружеские жесты в сторону Москвы её лидера В. Воронина, не мешают проводить прямо противоположную политику после прихода к власти.

Смена власти в Молдове вряд ли приведёт к каким-либо принципиальным сдвигам, как в её внешнеполитической ориентации, так и в урегулировании приднестровской проблемы. Исходные позиции Кишинёва и Тирасполя прямо противоположны. Максимум, что готовы предоставить Приднестровью молдавские власти, вне зависимости от партийной принадлежности, – автономию, что закреплено в законе «Об основных положениях особого правового статуса Приднестровья» (от 22 июля 2005 г.). Минимум, который были согласны обсуждать приднестровские власти, да и то, если Тирасполь будет стимулирован к этому Москвой, – федерация двух равноправных субъектов с возможностью обретения независимости при изменении статуса государства. Но о федерации в Кишиневе рискнул обмолвиться только И. Додон, глава малочисленной фракции «социалистов» (3 депутата).

России только такой вариант даёт возможность сохранить своё влияние в регионе. И молдавским коммунистам, поборникам «молдовенизма» (существования самостоятельной молдавской нации), это дало бы мощные институциональные и международные гарантии против присоединения к Румынии. Её они не желают, хорошо представляя свою незавидную участь в этом случае. Но «еврозависимость» и совокупные интересы молдавской элиты, не склонной делиться властью с элитой приднестровской, не позволили Партии коммунистов РМ, что стало ясно в период её правления, быть последовательной даже в отстаивании собственных интересов.

Схожая политическая несостоятельность характерна и для «унионистов» – сторонников объединения с Румынией. Наибо-

лее откровенно эту идею отстаивает Либеральная партия М. Гимпу, ныне расколовшаяся и оказавшаяся в оппозиции. Но и партии правящей «проевропейской» коалиции и их лидеры не выглядят последовательными защитниками самостоятельной молдавской государственности. «Унионисты» не могут не понимать, а некоторые и прямо признают, что Приднестровье в любом виде является препятствием для желаемой «унии». Борющемуся с автономистскими устремлениями венгерского меньшинства в Трансильвании унитарному румынскому государству любая автономия в его составе – небезопасный прецедент.

Претензии на Приднестровье обесценивают и все теоретически мыслимые аргументы (международно-правовые, историко-культурные) в пользу объединения с «братьями за Прутом». Правда, и в Бухаресте, и в Кишинёве имеет хождение идея «разменять» Приднестровье с Украиной на Южную Бессарабию и Северную Буковину. Не случайно румынская дипломатия много лет настойчиво пыталась включить в договоры с РФ и Украиной формулировку о необходимости «ликвидации последствий пакта Молотова–Риббентропа». Примечательно, что румынское гражданство предоставляется не только гражданам Молдовы, но и потомкам жителей межвоенной Бессарабии и Северной Буковины вне зависимости от национальности.

Как бы то ни было, электоральные расчёты, противоречивые рекомендации Бухареста, установки Брюсселя и просто одержимость русофобией, мешают молдавским приверженцам «единства румын» проводить чёткую политическую линию. Брюссель, добившись формирования «проевропейской коалиции», доказал способность «дисциплинировать» своих сварливых клиентов. Москве для обретения сколь-нибудь надёжных и договороспособных партнёров потребуется большее – переформатирование молдавской политической сцены. Чтобы не остаться «вне игры», ей в любом случае придётся удвоить усилия и более чётко сформулировать (и для себя, и для партнёров) их возможный и желаемый результат.

Полезно трезво признать: нынешний относительный успех Москвы в противостоянии с Брюсселем обусловлен не только талантами отечественной дипломатии, но явной изначальной

слабостью самой политики Восточного партнёрства, лишённой сколько-нибудь серьёзной ресурсной поддержки и ощутимых стимулов для партнёров, но налагающей на них весьма значительные и дорогостоящие обязательства. Нашему общественному мнению, в том числе и экспертному сообществу, всё ещё не чужд «европейский соблазн» – представление о том, что все решения, принимаемые в Брюсселе, рациональны, взвешены, стратегически обоснованы и, безусловно, позитивны для партнёров. Между тем подобный соблазн неправомерен ни методологически, ни фактически. Простое соотнесение целей Восточного партнёрства и применённых для их реализации средств и ресурсов показывает, что максимально возможным для ЕС результатом Вильнюсского саммита могло бы быть достижение соглашения с Молдовой и Грузией. Так бы оно и было, если бы В. Янукович, для повышения своих электоральных шансов и шантажа Москвы, не решился на рискованную для него самого «игру в евроинтеграцию».

России и в будущем придётся противостоять, как попыткам ближайших союзников расширить дистанцию от неё, так и усилиям европейских структур ограничить её влияние в ближайшем окружении. В долговременной перспективе нешуточная борьба предстоит за самосохранение «российскоцентричности» постсоветского пространства. И только модернизация российской экономики, способная сделать её мотором экономического роста всего «ближнего зарубежья», и принципиальное приращение «мягкой силы» России, недостижимое без модернизации государства и общества, могут создать ей надёжные конкурентные преимущества в предстоящем соперничестве.

*В.И. Брутер**

МОЛДОВА: ДО И ПОСЛЕ ВИЛЬНЮСА. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Характерной чертой внутривнутриполитической жизни Респуб-

* Брутер Владимир Ильич – политолог, эксперт Международного института гуманитарно-политических исследований.

ки Молдова (РМ) является хроническая нестабильность. В связи с проведением Вильнюсского саммита, где между РМ и Евросоюзом было парафировано Соглашение об ассоциации и создании зоны свободной торговли, этот фактор приобрёл особую значимость, обозначив перспективы дальнейшего развития республики и международной ситуации вокруг неё. От того, какое влияние нестабильность оказывает на внутреннее и международное положение РМ, в значительной мере зависит ответ на вопрос: сумеет ли Молдова перейти к качественно новой парадигме развития. Нынешняя, по сути, постсоветская модель оставляет лишь минимальные шансы на решение болезненных внутренних и международных проблем, затрудняющих прогресс Молдовы как государства и общества.

При этом само понятие «нестабильность» требует уточнения и разъяснения, поскольку в последние годы оно существенно видоизменилось. В настоящее время основой нестабильности Республики Молдова выступают, прежде всего, причины, характерные для многих стран Восточной и некоторых государств Южной Европы, где они имеют преимущественно социально-экономическую природу. И хотя для государств этого региона характерны проблемы этнического, иногда исторического, культурного и религиозного плана (для Молдовы это, в первую очередь, весь комплекс сложных отношений Кишинёва с Приднестровьем и Гагаузией), это, однако, не умаляет значимость социальных факторов. Прежде всего, это низкий уровень доходов, отсутствие видимых перспектив карьерного роста и других социальных лифтов. Данные соцопросов по Республике Молдова однозначно показывают, что рейтинг значимости этих проблем для населения намного обгоняет тематику Приднестровья. В подобной ситуации любая власть в Молдове (в большей или меньшей степени, в зависимости от конкретной ситуации) становится «заложником» социального недовольства. Большинство граждан именно с этим фактором – деятельностью (или бездеятельностью) власти по решению социально-экономических проблем связывает свои персональные трудности.

Острый и устойчивый характер социальных проблем является мощным фактором, подпитывающим нестабильность поли-

тических институтов Молдовы. Уже к 2005 г. стало очевидно, что большинство в парламенте страны может принадлежать только двум политическим силам – коммунистам, с одной стороны, и коалиции национальных, консервативных и умеренных партий, с другой. На базе этой коалиции и был сформирован ныне правящий Альянс за Европейскую интеграцию (АЕИ), в различных модификациях находящийся у власти после 2009 г.

Четырёхлетний период нахождения Альянса у власти характеризовался высоким уровнем конфликтности внутри правящей коалиции, чего не было во время правления коммунистов. Основная причина этого заключается в непрекращающейся борьбе за лидерство и контроль над ресурсами между двумя основными группами влияния – Влада Филата – и Владимира Плахотнюка. При этом ни в один из моментов борьба внутри коалиции не носила идеологического характера, в значительной степени поэтому она лишила коалицию необходимого политического потенциала, как для поддержания устойчивости «партии власти» в целом, так и для выработки и реализации политического проекта, ориентированного на проведение определённых реформ, имеющих европейский вектор развития.

В конечном счёте, это привело к потере кредита доверия к правящей коалиции Молдовы со стороны европейских институтов, со стороны России перемена произошла ещё раньше, причём изменение российской позиции не было связано с идеологическими мотивами. В 2009 г. у руководства России преобладало ещё негативное отношение к Партии Коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) и её лидеру, тогдашнему президенту страны Владимиру Воронину. Поначалу Россия приветствовала смену власти в Кишинёве. Однако и сменивший коммунистов у власти АЕИ вскоре также разочаровал Москву, которая стала воспринимать Альянс как весьма ненадежного партнёра.

В целом же в отношении к событиям в Молдове со стороны внешних игроков есть как политическая (плохое и конфликтное управление) и неполитическая (различные криминальные истории, в которых фигурируют политические лидеры РМ) составляющие. Именно поэтому Альянс за Европейскую интеграцию в значительной мере исчерпал свой внутривнутриполитический ресурс

для развития сотрудничества с европейскими структурами и потребовался внешний источник поддержания стабильности власти в Молдове. Руководители ЕС полагали, что для обеспечения большей устойчивости власти в республике может сыграть её новый премьер-министр Ю. Лянкэ, ранее министр иностранных дел, однако его политический ресурс, как и внутривластное влияние, оказались ограниченными. В значительной мере это способствовало ослаблению правительства Молдовы и власти в республике в целом.

Внешинополитическое измерение: соглашения с ЕС об ассоциации и о зоне свободной торговли – принципиальный стабилизирующий момент для молдавской политики

Без перспектив подписания в Вильнюсе соглашений с ЕС кризис в Молдове происходил бы гораздо острее, а его последствия могли бы быть опаснее для молдавского общества и государства, причём могли бы иметь не только внутреннее, но, возможно, и региональное, а также международное измерение.

С целью не допустить подобного развития событий, Евросоюз оказался вовлечённым в молдавскую политику, гораздо глубже, чем поначалу рассчитывал. В настоящее время большинство из принципиальных внутривластных (в том числе кадровых) и внешнеполитических решений принимается в Молдове при посредничестве и после консультаций с представителями Евросоюза. В результате на представителей ЕС ложится несвойственная им роль внутренних медиаторов молдавской политики. Всё это ослабляет находящуюся у власти коалицию, не позволяет молдавской политике создать инструменты, необходимые для нормального функционирования государства.

Так, например, замена В. Филата на Ю. Лянкэ в премьерском кресле уже привела к практической остановке диалога между Молдовой и Приднестровьем. Если В. Филат обладал личным ресурсом для необходимого контакта с главой Приднестровской Молдавской республики (ПМР) Евгением Шевчуком, то у Ю. Лянкэ такого ресурса нет.

Молдова – Приднестровье

Остановка диалога Молдова – Приднестровье, даже в том усечённом и неэффективном виде в котором он имел место, уже

привела к фактическому кризису в отношениях между «двумя берегами». Принятое по инициативе ЕС решение Молдовы о введении мобильных пограничных постов сделало невозможным любые позитивные контакты между Кишинёвом и Тирасполем. Хотя надо признать, что оно отчасти явилось вынужденным, и было принято в ответ на одностороннее решение ПМР о введении пограничного контроля. Реально принятое в Кишинёве решение для ПМР означает (скорее, в психологическом плане, поскольку его юридические последствия для жителей Приднестровья всё-таки ограничены) что-то вроде создания резервации на левом берегу Днестра. По имеющейся информации, Евросоюз инициировал принятие подобного решения, в т.ч. и в «воспитательных» целях, чтобы оказать психологическое давление на общественное мнение Приднестровья с целью заставить его жителей определиться со своей дальнейшей судьбой. Введение же пограничного контроля обеспечивает в данном случае большую наглядность того, что может произойти, если Приднестровье откажется следовать в Европу вслед за Молдовой.

На данный момент введение пограничного режима привело только к обратному эффекту. В Приднестровье, в т.ч. и при поддержке куратора ПМР в российском правительстве Д. Рогозина, усиливаются радикальные настроения. В определённой степени эти настроения уже сейчас транслируются на Гагаузию, создавая дополнительный очаг нестабильности внутри Молдовы.

Гагаузия

Обострение ситуации в Гагаузии вызвано изменением внутренней политической конфигурации в Молдове. Создание мощной региональной организации Демократической Партии Молдовы (ДПМ) во главе с мэром столицы Гагаузии Комрата Николаем Дудогло изменило традиционный «двухпартийный» расклад в автономии: «местные против коммунистов». Появилась реальная третья сила, которая в большинстве случаев действует как «свободный радикал».

На национальном уровне команда Дудогло официально поддерживает АЕИ против коммунистов, а на местном выступает инициатором различных действий, направленных на дальнейшее обособление автономии. Так, в рамках этой политики про-

ходил сбор подписей за вхождение Гагаузии в Таможенный Союз, было провозглашено приостановление действия законов Республики Молдова и т.д. Подобное развитие событий было востребовано, причём как из Кишинёва (в интересах В. Плахотнюка), так и из Москвы (в целях создания помех для подписания соглашения об ассоциации с ЕС).

Всё это не могло не привести к реальным проблемам в отношении между Кишинёвом и Комратом. Для гагаузской элиты референдум о вступлении в Таможенный союз, назначенный на 2 февраля, должен стать важным объединительным событием. В условиях постоянного конфликта между башканом⁵⁴ и парламентским большинством в Народном собрании (НСГ), референдум становится общей политической акцией Гагаузии против Кишинёва.

22-го января для встречи с руководством Гагаузии в Комрат прибыли премьер-министр Ю. Лянкэ и спикер парламента И. Корман. В ответ на предложение Кормана отменить референдум, Константинов прямо сказал, что не понимает, «почему вокруг референдума поднялся такой большой ажиотаж, если организация референдума на территории автономии находится в рамках правового поля? Мы руководствовались Законом об особом правовом статусе Гагаузии, где чёрным по белому написано, что Народное собрание имеет право назначать и проводить на территории Гагаузии референдумы».

После этого дискуссия была свёрнута, и руководство Гагаузии не отказалось от проведения ненужного, а возможно даже опасного для Кишинёва референдума. Гагаузы осознали, что усиление статуса автономии возможно, а референдум – отличный инструмент для достижения этой цели.

Оппозиционные Кишинёву настроения могут перекинуться на населённый болгарами соседний с Гагаузией Тараклийский район. Возможно, что в сложившейся ситуации лучшим выбором для Кишинёва будет согласие с проведением референдума. С тем, чтобы потом попытаться «забыть» о его результатах, и, таким образом, не допустить «распространение идей ТС» по всей стране.

⁵⁴ Глава Гагаузии.

Роль и место России

Политика России в отношении Молдовы носит «многослойный» характер, сочетая в себе различные, а нередко и практически несовместимые компоненты.

Официально Российская Федерация выступала с предостережениями в адрес Молдовы в отношении её планов подписать соглашения с ЕС, и предлагала присоединиться к Таможенному Союзу. Фактически же никакого реального участия Молдовы в структурах ТС и Евразийского Союза в Москве и не планировалось, а речь шла лишь об индивидуальных правилах доступа молдавских товаров и молдавских гастарбайтеров, на российский рынок.

На официальном уровне Россия также выступает за продолжение усилий по приднестровскому урегулированию, но фактически предпочитает сохранение *status quo*, считая, что это наиболее эффективное средство влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Молдове.

В практической же деятельности российских госструктур в отношении Молдовы немало противоречий и взаимоисключающих шагов. Так, РФ устами руководителя Роспотребнадзора в сентябре 2013 г. заявила о прекращении доступа молдавского алкоголя в Россию и одновременно подписала протокол об упрощении таможенных процедур для скоропортящейся плодово-овощной продукции, поступающей на российский рынок из Молдовы.

Всё это свидетельствует, что в среднесрочной перспективе у РФ нет сформированной политики в отношении Молдовы, и даже нет какого-либо пакета конкретных предложений для Кишинёва. Но при этом есть необходимость в «средствах быстрого реагирования» на быстро меняющуюся ситуацию в РМ, и есть различные центры влияния, в чью зону ответственности входит принятие оперативных решений, имеющих достаточно широкий общественный резонанс. Это позволяет предположить, что Россия вовсе и не ставит целью составить в Молдове «конкуренцию» ЕС, однако в то же время будет использовать проблемы во внутренней и внешней политике РМ для создания «комфортной» для РФ обстановки. Подход РФ к Молдове в зна-

чительной мере отличается от линии Евросоюза, которая является частью более общей стратегии по отношению к странам Восточной Европы и бывшим европейским республикам СССР.

Европейская политика в Молдове

Нынешний этап европейской политики в отношении стран Восточной и Южной Европы может быть определённым образом формализован. Он связан с осуществлением нескольких взаимосвязанных целей. Отношения Евросоюза с Молдовой полностью укладываются в этот формат. При этом, разумеется, отношения Брюсселя с Румынией и Украиной (в качестве примера взяты соседние страны) значительно отличаются от отношений с Молдовой, однако и в них присутствуют и общие моменты.

Первая цель – это предсказуемость действий. Именно эту цель должно было выполнить правительство Ю. Лянкэ в Молдове, как и правительство В. Понты в Румынии, объединяющее разные по политической направленности Социал-демократическую и Национал-либеральную партии. Именно предсказуемости не хватало обоим правительствам, возглавлявшимся В. Филатом.

Вторая цель – это достижение стабильности. Европейская политика настаивает на том, что политическим деятелям необходимо искать внутренние источники стабильности, притом, что внешние факторы должны играть важную стабилизирующую роль. Так, например, ЕС прилагает существенные усилия для сохранения правящего в Румынии альянса, несмотря на серьёзные внутренние противоречия между составляющими его партиями. При этом европейские представители настаивают, чтобы правящие партии продолжали сложный диалог между собой. Такой же подход практикуется и в отношении нынешней властной коалиции в Молдове, несмотря на все взаимные претензии В. Филата и В. Плахотнюка и претензии иных политических сил по отношению к каждому из них.

Третья цель – это преемственность политики и налаживание конструктивных отношений с соседними странами. За месяц до саммита в Вильнюсе специальный представитель бундесканцлера Ангелы Меркель – Филипп Миссфелдер, лидер молодёжной организации ХДС, посетил Румынию. Он практически в ульти-

мативной форме потребовал от премьер-министра Румынии ратифицировать соглашение с Молдовой о границе по реке Прут и, тем самым, выполнить обещание данное президентом Траяном Бэеску ещё в 2010 г. По словам Миссфелдера, «нератификация соглашения с Молдовой о границе на неопределённое время закрывает Румынии перспективу присоединения к Шенгену».

Четвертая цель предполагает создание «образа будущего», т.е. сознательное конструирование новой политической реальности, в рамках которой будет обеспечено поступательное развитие и решены нынешние конфликты страны. Касаясь Приднестровского урегулирования, Миссфелдер сообщил, что «мы активно вовлечены в конфликт и не только потому, что речь идёт о восточной границе ЕС. Германия играет активную роль во многих «замороженных» конфликтах. Вопросы урегулирования конфликта на Днестре Германия постоянно сохраняет в повестке обсуждения с президентом Путиным и премьером Медведевым». В неофициальном диалоге с министром иностранных дел ПМР Ниной Штански, представители федерального канцлера неоднократно подчёркивали «модернизированную формулу» урегулирования. Смысл её заключается в том, что ЕС (и Германия) готовы гарантировать Тирасполю любой выбранный вариант взаимодействия с республикой Молдова (в рамках возможного), если этот вариант будет поддерживаться внутри Приднестровья, как жителями, так и политическим руководством.

Таким образом, в отношениях между Евросоюзом и Молдовой постепенно произошёл переход от преимущественно идеологической доминанты к «политике возможного». Смысл этой политики состоит в максимальном поощрении предсказуемости и стабильности политических действий и отказе от долгосрочных и завышенных ожиданий и расчётов со стороны европейских институтов. Подобная политика предполагает выработку и использование разнообразных и эффективных инструментов для поддержания стабильности в Восточной Европе.

Молдова после Вильнюса

Очевидно, что планы ЕС по установлению более стабильной ситуации в Восточной Европе не ограничиваются во времени ноябрьским саммитом в Вильнюсе.

В то же время, представляется, что для правящей в Молдове коалиции «эффект Вильнюса» в значительной мере исчерпан. Нынешняя правящая коалиция была сформирована «под Вильнюс» и весь период от Вильнюса до выборов в парламент будет для АЕИ чрезвычайно сложным. По словам Валерия Стрельца – лидера парламентской фракции ЛДПМ, даже «когда в состав альянса входил эксцентричный и часто неуравновешенный либерал Михай Гимпу, в альянсе было больше спокойствия».

Уже сейчас очевидно, что участники альянса (в первую очередь, ДПМ и В. Плахотнюк) предпринимают действия, противоречащие «Вильнюсскому курсу», но обеспечивающие интересы данной группы на среднесрочную перспективу. В этом плане следует рассматривать решения правительства по продаже Сбербанка (Banca de Economii) Молдовы и передачи в концессию Международного Аэропорта Кишинёв. Оба решения были приняты непрозрачно, а по заявлению представителя ЕС в Молдове Пиркка Тапиола «нетранспарентная приватизация станет проблемой в рамках этих будущих соглашений».

В. Плахотнюк постоянно предпринимает односторонние действия по ограничению оппозиционных СМИ и по изменению избирательной системы. В последнее время им была предпринята попытка ликвидировать три оппозиционных телеканала – Ascend TV, Jurnal TV и RTR Moldova, лишив их доступа к государственным и частным кабельным сетям без объяснения причин. Обеспокоенность развитием ситуации в медиа-пространстве Молдовы высказали делегация ЕС, посольство США и ОБСЕ, заявившие, что усматривают в этом продолжение дела телеканала NIT, лишённого лицензии по политическим мотивам. При этом В. Плахотнюк продолжает демонстрировать твёрдость своей позиции, в настоящий момент все три телеканала удалены из пакетов кабельных сетей.

Одновременно продолжаются усилия по изменению избирательной системы. Рассматриваются различные варианты. В случае если ранее предложенный вариант о переходе на смешанную систему не будет принят (ввиду крайнего несогласия с этим рядом европейских институтов и европейских политиков), предлагается альтернативный вариант, в рамках которого пред-

лагается полностью отменить избирательный порог для партий и независимых кандидатов, что (по мнению В. Плахотнюка) не позволит коммунистам (ПКРМ) получить 51 избирательный мандат. В связи с тем, что альтернативный вариант также не встречает понимания со стороны европейских политиков, предполагается, что избирательный порог будет отменён через конституционный Суд, полностью подконтрольный Плахотнюку. ЛДПМ и Филат на данный момент полностью зависят и находятся под воздействием упомянутых «креативных идей». С одной стороны, это на некоторое время стабилизировало ситуацию внутри коалиции. С другой, личные противоречия и конкуренция между В. Филатом и В. Плахотнюком только усиливаются, и это в любой момент может привести к разрыву отношений между политиками.

Предстоящие выборы в Парламент Молдовы

На данный момент рейтинг ПКРМ (приближается к 50%) даёт основания предполагать, что коммунисты могут вновь прийти к власти, причём без чьей-либо поддержки. Дальнейшие действия коммунистов пока неочевидны. Возможность их возвращения к власти определяет логику всех сторон, прямо или косвенно «присутствующих» в Молдове.

В связи с этим Евросоюз пытается актуализировать консультации с ПКРМ и добиться от В. Воронина определённых обязательств по сохранению курса на интеграцию с ЕС. Ответом стало официальное заявление Воронина (ПКРМ), сделанное им 16 октября во время встречи с европейскими дипломатами. Фактически в заявлении Воронина присутствуют некоторые гарантии в обмен на изменение позиции ЕС. В частности на «непротиводействие» возвращению коммунистов и Воронина во власть (об этом говорится почти прямо, ПКРМ называется в заявлении следующей партией власти).

Сюда же следует отнести заявление Воронина о том, что «решение о геополитическом направлении страны должен принимать молдавский народ на общенациональном референдуме после прихода ПКРМ к власти».

Возвращение ПКРМ во власть связано с определёнными рисками, как для ЕС, так и для России. Учитывая предыдущий

опыт общения с В. Ворониным, и в ЕС, и в РФ есть понимание, что более устойчивой конструкцией была бы коалиция ПКРМ с ДПМ или с ЛДПМ. На данный момент подобная коалиция не представляется возможной, однако это не означает её невозможность в принципе.

Во-первых, весьма вероятен вариант, при котором ПКРМ получит большинство в парламенте (51 голос), но не получит большинство, необходимое для избрания президента (61 голос). В этом случае ПКРМ может либо найти партнёра, либо объявить досрочные выборы (что уже происходило в 2009 г. и закончилось отстранением коммунистов от власти).

Во-вторых, в РФ считают В. Плахотнюка основным «бизнес-партнёром» и связывают с его действиями определённую стабильность в торгово-экономических отношениях РФ и Молдовы. При определённых обстоятельствах это может сыграть существенную роль.

Таким образом, в 2014 г. ситуацию в Молдове будут определять приближающиеся парламентские выборы. Если АЕИ сможет удержаться у власти – это будет означать продолжение нынешнего политического курса при существенном усилении фактора ДПМ и В. Плахотнюка внутри правящей коалиции. Приход к власти коммунистов означал бы значительное изменение политического курса. Причём уровень возможных изменений на данный момент ещё невозможно определить. «Решительность» коммунистов будет зависеть от ряда внешних и внутренних факторов.

Планы ЕС на ближайшую и среднесрочную перспективу. Европейский вектор

В Вильнюсе Молдова только парафировала соглашение с ЕС об ассоциации, подписание планируется на 2014 г. В качестве поощрительной меры ЕС уже заявил о готовности отменить визы для граждан Молдовы, владеющих биометрическими паспортами.

Далее ЕС продолжит весь комплекс возможных усилий по стабилизации ситуации в Восточной Европе, и парафирование соглашения об ассоциации с Молдовой и Грузией в данном случае можно рассматривать только как первый, но необходимый

шаг в данном направлении. В отношении Молдовы и других восточноевропейских стран ЕС, скорее всего, продолжит политику «реальных дел» и «осторожных шагов».

*Н.А. Гегелашвили**

ИТОГИ ВИЛЬНЮССКОГО САММИТА: КАВКАЗСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

28-29 ноября в Вильнюсе состоялся очередной саммит ЕС, на котором планировалось подписание двух соглашений – Соглашения об ассоциации и всеобъемлющей свободной торговле с Украиной, а также парафирование аналогичных соглашений с Молдовой и Грузией.

В связи с тем, что договор о Зоне свободной торговли (ЗСТ) рассматривается руководством ЕС в одном пакете с Соглашением об ассоциации (АС), а также с учётом сделанного 3 сентября Ереваном заявления о его вступлении в Таможенный Союз (ТС), представляется, что, хотя с Арменией аналогичные документы согласованы не были, тем не менее, ЕС не станет игнорировать стремление Армении к сотрудничеству, и Ереван продолжит оставаться в поле интересов Европы. Этому способствуют несколько факторов:

Во-первых, глобальный финансовый кризис, последствия которого, вкупе с перенапряжением сил США, не дают никакой уверенности в том, что ситуация может заметно улучшиться, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Всё это неизбежно будет влиять, как на саму политику Восточного партнёрства, так и на сокращение её диапазона. К тому же, с учётом непредсказуемой ситуации на Ближнем Востоке и в Афганистане, кавказское измерение будет приобретать всё большее значение для Запада, и именно это соображение не в последнюю очередь способствовало снижению завышенных ожиданий ЕС от стран Восточного партнёрства.

Во-вторых, отсутствие конечной цели программы «Восточ-

* Гегелашвили Нана Александровна, к.и.н., руководитель Центра региональных исследований ИСК РАН.

ное партнёрство» – евроинтеграции делает ЕС уязвимым и вынуждает его идти на компромиссы в отношении своей восточной политики. И Украина – тому пример. Несмотря на то, что политика, проводимая Киевом, далеко не всегда основывается на соблюдении европейских ценностей, и в ЕС прекрасно понимает это, на саммите в Вильнюсе Соглашение об ассоциативном членстве с Украиной было предложено к подписанию, т.к. по большому счёту Киев ничуть не отличается от стран Западных Балкан, где интеграция с ЕС продолжает набирать обороты. Необходимость идти на подобные компромиссы обусловлена отчасти и осознанием того, что в случае промедления, связанного с завышенными требованиями в адрес своих восточных партнёров, этим может воспользоваться Москва для их вовлечения в Евразийский союз. Тем не менее, нельзя не признать, что Брюссель готов рассматривать такую модель, которая могла бы допустить одновременное участие в Таможенном союзе и в Восточном партнёрстве. Одним из недочётов политики «Восточного партнёрства» является неспособность ЕС определить, что могло бы стать конечной целью для стран этого региона. Брюссель предлагает ряд инициатив, но у него никогда не было реальной стратегии. Если ЕС серьёзно подойдёт к достижению целей политики соседства – а это стабильность, безопасность и процветание – то ему придётся постоянно придерживаться и никогда не отступать от своих ранее сделанных подходов к этим странам.

В третьих, ЕС нуждается в выработке инструментария, способного обеспечивать своим восточным партнёрам возможности, позволяющие им сосуществовать с ЕС и без заключения соглашений о ЗСТ, развивая и углубляя при этом другие форматы сотрудничества – в области общей внешней политики и безопасности, а также в вопросах юстиции и внутренних дел, которые не должны ослабевать.

Таким образом, представляется, что, несмотря на то, что на Вильнюсском саммите не состоялось подписание какого-либо основополагающего документа с Арменией, тем не менее, Брюссель будет предпринимать попытки дальнейшего сотрудничества с ней, по мере необходимости, корректируя и даже меняя

свои позиции, что, скорее всего, будет делать и Армения.

Так, заявленное в сентябре 2013 г. намерение Еревана вступить в ТС и включиться в процесс формирования Евразийского экономического союза вызвало шквал критики со стороны европейских чиновников. А буквально через две недели они уже выступали с заявлениями о том, что Соглашения об ассоциации и всеобъемлющей ЗСТ могут быть совместимы с экономическим сотрудничеством со странами СНГ.

В свою очередь, руководство Армении и после саммита продолжает заявлять, что Ереван нацелен на углубление сотрудничества и продолжение отношений с ЕС, не противоречащих членству в Таможенном союзе. Похоже, что сегодня Ереван и ЕС намерены продолжить запущенный процесс интеграции без учёта взаимных обязательств, т.е. по упрощённому сценарию.

В последнее время Россия делает ставку на создание Евразийского союза в качестве своего рода противовеса ЕС и европейской интеграции, что может способствовать, по мнению Москвы, появлению двух политико-экономических центров влияния. Согласно логике Кремля, ТС и его будущая судьба является архиважным вопросом для России, т.к. используя его возможности, Москва может вновь занять ведущие позиции на постсоветском пространстве. Вот почему отсутствие у Армении общей границы со странами-членами ТС, что могло бы стать серьёзным препятствием на пути её вступления в ТС, не помешало Москве начать рассматривать Ереван как будущего члена ТС.

Тем не менее, и у ТС, равно как и у ЕС, существует ряд нерешённых вопросов технического характера, и это необходимо учитывать. К тому же в настоящее время вопросы, связанные с реальными преимуществами ЗСТ в условиях отсутствия общей границы со странами ТС, а также в топливно-энергетической сфере, остаются для Еревана риторическими.

Ясно, что решение о вступлении Армении в ТС было принято с учётом вопроса безопасности, т.к. именно Россия является гарантом безопасности Армении. В этом отношении ЕС всегда проявлял взвешенность и старался обходить такие жизненно важные вопросы для Армении, как урегулирование карабахского конфликта, предоставив это Минской группе ОБСЕ, равно

как и вопрос, связанный с нормализацией армяно-турецких отношений и открытием границы. Понятно, что урегулировать эти вопросы ЕС никак не может, т.к. не владеет необходимыми для их решения рычагами. Другим фактором, повлиявшим на решение Армении присоединиться к ТС, стало решение Турции принять участие в интервенции в Сирии. С учетом сложившейся ситуации в Нагорном Карабахе, а также отсутствием дипломатических отношений с Турцией, всё это может привести к непредсказуемым последствиям для Армении.

Не последним фактором, побудившим Ереван присоединиться к ТС, стала и активность Москвы в вопросе разблокирования проходящей через территорию Абхазии железной дороги, что в условиях двух закрытых границ Армении было бы весьма важным для Еревана. Таким образом, нельзя не признать того, что на сегодня Россия остается единственным гарантом безопасности Армении, и альтернативы ей нет.

Тем не менее, несмотря на сделанное Ереваном заявления о намерении присоединиться к ТС, Армения, в силу своего географического положения, всегда будет вынуждена вести политику комплементарности, балансируя между амбициями Москвы и интересами ЕС.

Что же касается Азербайджана, то к началу Вильнюсского саммита Баку ещё не завершил переговоры по Соглашению об ассоциации с ЕС, к тому же, не являясь членом ВТО, он не сможет подписать Соглашение о ЗСТ с Евросоюзом. Тем не менее, Баку выступает за установление тесных отношений с ЕС, однако испытывает разочарование подходом Брюсселя к проблеме Нагорного Карабаха. Баку нервнрует неспособность ЕС открыто признать территориальную целостность Азербайджана, как это было сделано в отношении Молдовы и Грузии. Тем не менее, Азербайджан является страной, ориентированной на Запад и расположенной в проблемном регионе, так что взаимодействие с ЕС является важным для Баку. Тем более с учётом сотрудничества Азербайджана с ЕС в сфере энергетики, что само по себе предполагает обеспечение взаимных интересов.

Последней страной, представляющей кавказское измерение политики ЕС, является Грузия. Из всех стран Южного Кавказа

Грузии удалось подойти максимально близко к ЕС. Этому свидетельствует, во-первых, внятная и последовательная политика Тбилиси по отношению к Брюсселю, а также избранный ею вектор в сторону либеральных реформ и демократических стандартов, необходимых для интеграции с Западом; во-вторых, курс на североатлантическую интеграцию и стратегическое партнёрство с Западом, который рассматривался и продолжает рассматриваться Тбилиси как геополитический противовес российскому доминированию на Южном Кавказе; в-третьих, общность целей, определяемых взаимовыгодными интересами.

После состоявшихся в этой стране парламентских выборов (октябрь 2012 г.) новый министр иностранных дел Грузии М. Панджикидзе заявила о том, что «внешнеполитические приоритеты Тбилиси неизменны, и Грузия продолжит курс на европейскую и евроатлантическую интеграцию и стратегическое партнёрство с США»⁵⁵.

В рамках двустороннего формата Восточного партнёрства Грузия оказалась первой страной Южного Кавказа, в которой с 1 марта 2011 г. вступил в силу упрощённый визовый режим с ЕС. Характерно, что Еврокомиссия положительно оценила достигнутый Грузией значительный прогресс в первой фазе выполнения плана действий по либерализации визового режима.

Грузия завершила переговоры с ЕС о всеобъемлющей свободной торговле, что также является большим прорывом в отношениях между Тбилиси и Брюсселем и наглядным свидетельством европейского выбора Грузии.

Многие грузинские эксперты склонны рассматривать будущее развитие Грузии в сторону сближения с Евросоюзом в связи с тем, что, по их мнению, в этом направлении существуют куда большие возможности, чем те, которые может дать долгосрочное и, увы, всё ещё сомнительное членство Грузии в НАТО. В этом же пространстве (ЕС), по их мнению, существует опыт Кипра, который, несмотря на оккупацию части его территории, смог всё-таки стать членом ЕС.

Однако, похоже, что умудрённая опытом крайне невнятно-

⁵⁵ URL: <http://www.regnum.ru/news/1586170.html> (последнее обращение – 25.10.2012).

го сценария на пути своего будущего членства в НАТО, Грузия пытается получить от европейцев большую чёткость в отношении своей «европейской судьбы». Неслучайно глава внешнеполитического ведомства Грузии незадолго до открытия Вильнюсского саммита отметила, что Грузия нуждается в «чётком заявлении» от ЕС о том, что «европейская перспектива» открыта для Грузии, и Грузия должна рассматриваться не как сосед Европы, а как европейский сосед⁵⁶.

28 ноября 2013 г. на саммите Восточного партнёрства в Вильнюсе Грузия парафировала соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Выступая на конференции «Восточное партнёрство – путь после Вильнюсского саммита» новоизбранный премьер-министр Грузии И. Гарибашвили отметил, что «на Вильнюсском саммите мы представили не только достигнутые результаты, но и начали новый этап сотрудничества с Евросоюзом. Сейчас мы уже переходим в фазу реальных действий и готовы превратить взятые нами обязательства в конкретные дела, и наши граждане будут пользоваться всеми теми благами, которые принесёт нам сближение с Европой. Теперь главной задачей грузинского правительства является подписание в сентябре будущего года соглашения об ассоциации⁵⁷».

Таким образом, подписав рамочное соглашение с ЕС на Вильнюсском саммите, Грузия заявляет о своей готовности вместе с Евросоюзом внести вклад в европейскую безопасность и стать надёжным партнёром Евросоюза в укреплении стабильности в мире.

Очевидно, таким образом, что результаты Вильнюсского саммита будут в значительной мере зависеть от того, насколько постсоветские страны смогут работать по европейским стандартам, а также от того, насколько политика «Восточного партнёрства», проводимая ЕС, будет отвечать их национальным интересам. Не в последнюю очередь это будет связано и с тем, насколько удачно сможет Брюссель дополнять и обновлять свою политику Восточного партнёрства в условиях продолжающегося глобального экономического кризиса.

⁵⁶ URL: <http://kavkasia.net/Georgia/2013/1378599857.php>.

⁵⁷ URL: <http://www.georgiatimes.info/news/97493.html>.

РОССИЯ, ЕС, США И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО». ПРИМЕР АРМЕНИИ

Процесс расширения ЕС продолжает активно развиваться. Программа «Восточное партнёрство», предложенная со стороны Евросоюза шести государствам СНГ, стала естественной составляющей этого процесса. Вступление в ЕС стран Центральной и Восточной Европы (Чехии, Венгрии, Польши, Словакии, Словении, Румынии) в 2004 г. поставило перед Европейским союзом задачу установления мирных партнёрских отношений с соседними государствами Восточной Европы по периметру своих новых границ. Формализация таких отношений необходима Европейскому союзу, как для обеспечения безопасности, так и для обеспечения внешнеполитических гарантий сохранения целостности Евросоюза. Исходя из этих задач, Молдавия, Украина и Белоруссия как государства Восточной Европы и участники программы «Восточное партнёрство» имеют важнейшее политическое и экономическое значение для ЕС.

В свою очередь, расширение ЕС на юг, сопровождавшееся принятием в члены ЕС государств Южной и Юго-Восточной Европы (Мальты, Кипра, Греции, Болгарии, Хорватии), приблизило границы ЕС к Турции и государствам Южного Кавказа (Азербайджан, Армения, Грузия). В то время как Турция является кандидатом на вступление в Евросоюз с 1987 г., налаживание конструктивного сотрудничества с государствами Южного Кавказа выступает важнейшей задачей для ЕС. Выполнение этой задачи может способствовать как развитию экономических и политических связей Турции с государствами Южного Кавказа, так и развитию совместных взаимовыгодных экономических проектов с участием ЕС, с одной стороны и государств Южного Кавказа и Турции – с другой.

Действенность программы «Восточное партнёрство», начинаемая с предложения этого проекта Польшей и Швецией в 2008 г. по настоящее время, обусловлена как естественным ходом раз-

* Айвазян Диана Степановна, к.полит.н., независимый эксперт.

вития ЕС, так и тенденциями внутривосточного развития государств СНГ – участников данной программы. Начиная с периода после распада СССР в 1991 г., большинство государств СНГ, за исключением России, избрали т.н. комплементарную (многовекторную) политику. Такая политика направлена на развитие внешнеполитических связей со всеми заинтересованными сторонами без отдачи приоритета взаимодействию лишь с одним заинтересованным государством.

Выбор комплементарной политики стал, по мнению их руководителей, наиболее оптимальным решением для стран СНГ, малых по занимаемой ими территории, не имеющих существенного политического и экономического веса на постсоветском пространстве. Такие государства не обладают необходимыми ресурсами для обеспечения своего лидерства, и в региональных и международных делах испытывают на себе влияние одновременно нескольких значимых субъектов современных международных отношений. Географическое положение стран-партнёров ЕС по «Восточному партнёрству» естественным образом ставит их перед необходимостью взаимодействия, как с Россией, так и с ЕС. США является третьей ключевой заинтересованной стороной как в вопросе продвижения инициатив Евросоюза на постсоветском пространстве, так и в вопросе формирования качественно новых тенденций политического и экономического развития стран СНГ на основе избранной ими демократической формы правления.

До последнего времени комплементарная политика оставалась эффективным инструментом взаимодействия стран СНГ одновременно с Россией и Евросоюзом. Однако при продвижении конкурирующих инициатив России и ЕС на постсоветском пространстве государствам СНГ необходимо выбирать приоритет взаимодействия с Россией и с ЕС с учётом возможных издержек такого выбора. Выбор в пользу тех или иных инициатив динамичен, поскольку Россия и Европейский союз на протяжении всего периода после распада СССР одновременно выступают в качестве партнёров и конкурентов.

Рассмотрим применение комплементарной политики на примере Армении как одной из стран-участниц программы «Вос-

точное партнёрство». Комплементаризм (взаимодополняемость) как принцип осуществления стратегии внешней безопасности закреплён в Стратегии национальной безопасности Республики Армения как построение «отношений на международной арене на основе партнёрства, развитии эффективных взаимоотношений со всеми действующими в регионе заинтересованными силами»⁵⁸. По значимости внешних партнёров можно распределить следующим образом: первым традиционно выступает Россия, с которой углубляется и укрепляется «стратегическое партнёрство», вторым – США, с которыми развивается «дружественное партнёрство», третьим – Евросоюз, в сотрудничестве с которым Армения реализует «курс на европейскую перспективу и интеграцию в европейскую семью»⁵⁹.

Саммит ЕС по программе «Восточное партнёрство» в Вильнюсе, состоявшийся 29-30 ноября 2013 г., стал отправной точкой для закрепления промежуточных итогов программы и внешнеполитической ориентации государств-участников программы. В преддверии саммита в Вильнюсе Арменией был закреплён приоритет взаимодействия с Россией: в сентябре 2013 г. между Россией и Арменией по результатам встречи президентов двух стран была достигнута договорённость о вступлении Армении в Таможенный союз. В декабре 2013 г. была утверждена «дорожная карта» по вступлению республики в эту интеграционную структуру⁶⁰. Работа по подготовке к вступлению Армении в Таможенный союз ограничивает возможности углубления партнёрства республики с Евросоюзом в рамках программы «Восточное партнёрство». На Вильнюсском саммите ЕС Армения не подписала Соглашение об ассоциации и зоне свободной торговли, отложив тем самым на неопределённый срок закрепление конкретных двусторонних обязательств в рамках «Вос-

⁵⁸ Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.). URL: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinerus.pdf.

⁵⁹ Внешняя политика. Министерство иностранных дел Республики Армения. URL: <http://www.mfa.am/ru/foreign-policy/>.

⁶⁰ Премьер Армении: договор о членстве страны в ТС может быть готов к маю. 27.12.2013. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20131227/986896630.html#ixzz2qwPT5IT1>.

точного партнёрства». В октябре 2013 г. совместной исследовательской группой ОО «Интеграция и развитие» и НОФ «Нораванк», а также Институтом политического и социологического консалтинга было проведено социологическое исследование, которое показало, что «большинство населения Армении предпочитает интеграцию с Россией, нежели с Европейским союзом»⁶¹.

На данном этапе стратегическую значимость для Армении представляет курс на закрепление сотрудничества с Россией без прекращения политического диалога с ЕС. Такой выбор обусловлен необходимостью защиты жизненно важных интересов Армении. Это и противодействие угрозам территориальной целостности государства при наличии неразрешённого конфликта вокруг Нагорного Карабаха, и предотвращение экономической и политической изоляции Армении путём блокирования республики от существующих транзитных коммуникаций в регионе Южного Кавказа, проходящих через Армению.

Договорённости о сотрудничестве между Россией и Арменией на двустороннем и многостороннем уровнях – в рамках членства обоих государств в ОДКБ – могут гарантировать защиту интересов Армении. Договор о функционировании российской военной базы в г. Гюмри был продлён до 2044 г.⁶², что защищает Армению от возможной агрессии со стороны Турции, сохраняющей свою поддержку Азербайджану в конфликте вокруг Нагорного Карабаха. Именно Россия играет ключевую роль в посредничестве между Азербайджаном и Арменией в вопросе урегулирования этого конфликта в рамках Минской группы ОБСЕ. Директор Института Кавказа, А. Искандарян, считает, что «выбирая между ассоциативным соглашением с Евросоюзом и Таможенным союзом, Армения выбрала ОДКБ. Это некий формат безопасности, который Армении важен»⁶³.

⁶¹ Манукян С.А., Арутюнян Г.А., Сафарян А.В. Отношение армянского общества к евразийской и европейской интеграции. Социологическое исследование 5-11 октября, 2013 г. «Интеграция и Развитие» исследовательско-аналитическая общественная организация. Ереван, 2013. С. 17.

⁶² Досье: 102-я российская военная база в Армении. К визиту в Армению президента России. 2 декабря 2013. ИТАР-ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/info/803760>.

⁶³ Александр Искандарян: выбирая между ЕС и ТС, Армения выбрала ОДКБ.

В свою очередь, формат сотрудничества Армении с ЕС, в т.ч. в рамках программы «Восточное партнёрство», не может обеспечить республике гарантии предотвращения разворачивания вооружённых конфликтов в регионе Южного Кавказа, с последующими за ними необратимыми негативными последствиями для Армении. И поскольку военно-политические вопросы в Южно-Кавказском регионе являются в настоящее время более значимыми, нежели вопросы экономической интеграции и развития транзитных коммуникаций на Южном Кавказе, приоритеты комплементарной политики, как Армении, так и остальных государств региона концентрируются на партнёрстве с заинтересованными силами, гарантирующими решение их военно-политических задач.

В период после распада СССР и до настоящего времени постсоветское пространство, в т.ч. регион Южного Кавказа, является полем пересечения интересов России, США и ЕС. Рассмотрим интересы США и России как ключевых заинтересованных сторон в процессе реализации программы «Восточное партнёрство» Евросоюза.

Интересы США в вопросах реализации программы «Восточное партнёрство»

Постсоветское пространство играет существенную роль в реализации внешнеполитических интересов США. Будучи заинтересованными в продвижении демократии как «единственно эффективной формы правления на глобальном уровне», США поддерживают инициативы ЕС, направленные на политическую и экономическую модернизацию государств в соответствии с демократическими стандартами, в их числе и программу ЕС «Восточное партнёрство». Продвижение демократии и благосостояния в государствах Восточной Европы, которые ещё находятся на этапе демократических преобразований, провозглашаются в Стратегии национальной безопасности США в качестве объединённых целей США и Евросоюза⁶⁴. Принятие Конгрессом

29.10.2013. Вестник Кавказа. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Aleksandr-Iskandaryan-vybiraya-mezhdu-ES-i-TS-Armeniya-vybrala-ODKB.html>.

⁶⁴ National Security Strategy. Washington, May 2010. The White House. P. 42. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_

США Резолюции в поддержку европейских устремлений стран-участниц «Восточного партнёрства»⁶⁵ в ноябре 2013 г. в преддверии Вильнюсского саммита было направлено на достижение этих задач.

Южно-Кавказский регион представляет интерес для США как один из путей поставки нефти и газа на территорию ЕС, контроль над которым даст возможность влиять на цены на энергоносители на мировом энергетическом рынке и использовать этот инструмент в своих отношениях с ведущими поставщиками энергоресурсов, включая Россию и Иран. В Азербайджане сосредоточены разрабатываемые и перспективные запасы нефти и газа, которые Евросоюз и США используют в этих целях. В случае прогресса программы «Восточное партнёрство» на Южном Кавказе, задачи программы могут быть расширены до укрепления энергетической интеграции государств Южного Кавказа с Европейским союзом. Поэтому в своих отношениях с Арменией и позициях по участию Армении в программе «Восточное партнёрство» Вашингтон ориентируется своими внешнеполитическими задачами, стоящими в Южно-Кавказском регионе. Отношения США с Арменией начали развиваться сразу же после провозглашения Армении как независимой республики в сентябре 1991 г. Вашингтон заявляет о поддержке усилий гражданского общества в Армении и в других странах, участвующих в программе «Восточное партнёрство», направленные на качественное развитие и укрепление демократических норм и принципов, защиту прав человека⁶⁶.

Интересы России в вопросах реализации программы «Восточное партнёрство»

Поскольку сотрудничество с государствами СНГ имеет стратегическое значение для России, в наследство которой пе-

strategy.pdf.

⁶⁵ Конгресс США принял резолюцию в поддержку стран Восточного партнёрства. 22.11.2013. Тбилисская неделя. URL: <http://www.georgianpress.ru/politics/22575-kongress-ssha-prinyal-rezolyuciyu-v-podderzhku-stran-vostochnogo-partnerstva.html>.

⁶⁶ Secretary John Kerry's Message to Conference Participants in Vilnius. 28 November 2013. Embassy of the United States. Yerevan, Armenia. URL: http://armenia.usembassy.gov/news112813_1.html.

решили сложившиеся в советское время политические и экономические связи с новообразованными после распада СССР независимыми республиками, любые альтернативные проекты сотрудничества на пространстве СНГ представляют собой конкуренцию внешнеполитическим интересам России. Инициативы ЕС на постсоветском пространстве зачастую входят в противоречие с интересами РФ, т.к. между Евросоюзом и РФ существуют разногласия в вопросах ценностей во внутри- и внешнеполитической деятельности, в вопросах механизмов обеспечения международной безопасности.

Стремясь к закреплению своей роли как одного из лидеров мировой политики, Россия предлагает свои собственные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Развитие «потенциала региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств-участников Содружества Независимых Государств в рамках самого Содружества Независимых Государств, а также Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического сообщества» заявлено как важнейшая задача России в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.⁶⁷

В настоящее время программа «Восточное партнёрство» и предложенный Россией Таможенный союз не взаимодополняют, а исключают друг друга. Показателен пример Армении, подписавшей в начале ноября 2013 г. Меморандум об углублении взаимодействия с Евразийской экономической комиссией, и намеревавшейся, но в итоге не подписавшей Соглашение об ассоциации и создании зоны свободной торговли с ЕС на саммите «Восточного партнёрства» в Вильнюсе. Тем не менее, в перспективе возможно установление отношений между Таможенным союзом и государствами-участниками зоны свободной торговли с ЕС.

Перспективы дальнейшей реализации «Восточного партнёрства» вызывают опасения у России также и потому, что парал-

⁶⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Совет безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.

тельно с провозглашаемой в рамках этой программы экономической интеграцией Соединёнными Штатами Америки и Евро-союзом ведётся работа по продвижению энергетического и военно-политического сотрудничества с государствами СНГ. На этих направлениях США, ЕС – с одной стороны, и Россия – с другой, как правило, не учитывают интересы друг друга. Ситуация обостряется тем, что активное участие в реализации Европейской политики соседства и программы «Восточное партнёрство» принимают Польша и Литва⁶⁸, а в отношениях этих стран с Россией сохраняются серьезные противоречия.

Россия развивает собственные энергетические проекты на пространстве СНГ и заинтересована в сохранении своего статуса как ведущего поставщика нефти и газа в рамках СНГ. В случае углубления экономической интеграции с Европейским союзом стран-участниц «Восточного партнёрства», не предполагающей участия России в этом процессе, лидирующая роль России в вопросах поставок энергоресурсов будет снижаться.

Особую значимость обеспечение энергетической безопасности и предотвращение угрозы возобновления вооружённых конфликтов приобретает в регионе Южного Кавказа. Тогда как Азербайджан выступает в качестве поставщика энергоресурсов, Грузия и Армения не обладают источниками нефти и газа и нуждаются в энергопоставках для обеспечения энергетических нужд страны. В ситуации неразрешённого конфликта вокруг Нагорного Карабаха, Армения исключена от участия в энергетических коммуникациях в регионе Южного Кавказа, таких как нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум. В рамках договорённостей между Россией и Арменией о вступлении Таможенный союз Армения получила скидку на российский газ, нефтепродукты и алмазы⁶⁹. Вкупе с членством Армении в ОДКБ, Россия предоставляет Армении определённые гарантии обеспечения энергетической безопасности страны и предотвращения эскалации военно-политической об-

⁶⁸ Европейская политика соседства: шансы и риски для России. Национальный инвестиционный совет. М., 2008. С. 15.

⁶⁹ Армения получила скидку на газ на входе в Таможенный союз. 02.12.2013. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20131202/981373218.html>.

становки вокруг Армении. На протяжении всего периода переговоров о реализации программы «Восточное партнёрство» ЕС не смог предоставить эти значимые для Армении гарантии.

На фоне большего по сравнению с Арменией прогресса Азербайджана и Грузии в рамках программы «Восточное партнёрство», а также в рамках программ сотрудничества с НАТО, углубление сотрудничества Армении с Евросоюзом и с США ставит под угрозу сформировавшиеся в течение длительного исторического промежутка времени политические и экономические связи России с Арменией и с остальными государствами Южного Кавказа. В этой связи естественно стремление России предотвратить такую кардинальную перестройку экономической и политической конъюнктуры в регионе Южного Кавказа и закрепить внешнеполитические связи с Арменией.

Саммит программы «Восточное партнёрство» в Вильнюсе 29-30 ноября 2013 г. продемонстрировал суть противоречий между США, Евросоюзом и Россией в ходе претворения в жизнь Восточного партнёрства. Избранные участниками программы договорённости с ЕС на саммите стали следствием конкуренции между заинтересованными сторонами за лидерство в формировании отношений с государствами на постсоветском пространстве.

В преддверии Вильнюсского саммита не оправдались прогнозы о возможном подписании Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом, а разразившийся по окончании саммита внутривнутриполитический кризис в Украине обострил противоречия, возникшие в Украине в ходе налаживания политических и экономических связей одновременно с Россией и с ЕС.

Прогресс Южно-Кавказских государств в рамках программы «Восточное партнёрство» происходит, таким образом, разными темпами. В условиях, когда в регионе Южного Кавказа находятся в замороженном состоянии национально-территориальные конфликты и отсутствует полноценная региональная интеграция, трудно ожидать достижения значимых результатов программы «Восточное партнёрство» в регионе Южного Кавказа, возможно, за исключением Грузии. В настоящее время Ар-

меня готова продолжать диалог с Европейским союзом в рамках «Восточного партнёрства», но не готова к принятию на себя конкретных обязательств, которые могут вызвать обострение стратегически важных отношений Армении с Россией.

На фоне противостояния между США, ЕС и Россией в ходе реализации программы «Восточное партнёрство» в государствах СНГ, участвующих в программе, усиливается раскол общества по вопросу выбора внешнеполитической ориентации – углубления сотрудничества с Россией либо курса на интеграцию в Европейский союз. По мнению эксперта С. Минасяна, решение о вступлении Армении в Таможенный союз приведёт к «радикализации позиции сторонников евроинтеграции в Армении в отношении России и команды Президента Армении С. Саргсяна, вложившей серьёзный политический капитал в процесс евроинтеграции»⁷⁰. Митинги оппозиции в Ереване против вступления Армении в Таможенный союз, в отличие от Украины, не привели к обострению общественно-политической ситуации. Можно предположить, что развитие такого сценария в Армении предотвращает имеющийся консенсус большинства населения Армении о базовых принципах в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха и построении отношений с Турцией. Однако в условиях высокой конкурентности инициатив заинтересованных внешних сторон в регионе Южного Кавказа, Армении, как и другим участникам «Восточное партнёрство» необходим чрезвычайно гибкий подход к выстраиванию отношений с Евросоюзом и Россией, который позволил бы избежать накала внутренних противоречий в этих странах.

*Е.А. Маслова**

ПОЗИЦИЯ ИТАЛИИ И КРИЗИС ВОКРУГ УКРАИНЫ

25-26 ноября 2013 г. в итальянском Триесте состоялся вось-

⁷⁰Вступление Армении в ТС сигнал для Молдавии и Украины – эксперт. 03.09.2013. ИА REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1702374.html#ixzz2sNUN2fXn>.

Маслова Елена Александровна, к.полит.н., н.с. Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН.

мой двусторонний межгосударственный саммит России и Италии с участием президента Владимира Путина и премьер-министра Энрико Летты, а также министров обеих стран. Последнее мероприятие подобного уровня проводилось между Италией и Россией в декабре 2010 г., когда главой правительства являлся Сильвио Берлускони, вынужденный уйти в отставку в ноябре 2011 г., следующий саммит России и Италии намечено провести в 2014 г. в Сочи.

По итогам встречи в Триесте было подписано 7 двусторонних договоров, а также 28 соглашений, которые помогут России и Италии выйти на новый уровень экономического сотрудничества. Таким образом, встреча на высшем уровне в Триесте продолжила линию особого привилегированного партнёрства России и Италии, которое по выражению бывшего итальянского премьер-министра и председателя Европейской Комиссии Романо Проди воплощается в формуле: «Россия и Италия дополняют друг друга как водка и икра»⁷¹.

В связи с этим представляется важным определить позицию Италии в отношении кризиса, развившегося на Украине после Вильнюсского саммита 28-29 ноября 2013 г. Несколько дней спустя после российско-итальянской встречи в Триесте главы государств и правительств ЕС, а также Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы и Украины собрались на третьем саммите Восточного партнёрства в Вильнюсе. По итогам встречи в верхах были подписаны Соглашение об упрощении процедуры выдачи виз с Азербайджаном, а также Рамочное соглашение с Грузией об участии в операциях ЕС по урегулированию кризисов, кроме этого, было парафировано Соглашение об ассоциации с Грузией и Республикой Молдовой. Намеченное подписание Соглашения ЕС об ассоциации с Украиной не состоялось.

Накануне саммита украинский кабинет министров принял решение приостановить процесс подготовки к заключению Соглашения об ассоциации, а также инициировал создание трёх-

⁷¹ МГИМО-Университет. Р. Проди: Россия и Италия дополняют друг друга как водка и икра! URL: <http://www.mgimo.ru/news/university/document235679.phtml>.

сторонней комиссии при участии Европейского Союза и России. Брюссель прохладно отреагировал на данный шаг Украины, в то время как правительство Италии заявило о необходимости сотрудничества с Россией по данному вопросу. Во время саммита в Триесте Э. Летта заявил о том, что, принимая во внимание председательство Италии в Совете ЕС во второй половине 2014 г., приоритетом станет укрепление партнёрства между Россией и ЕС, а также особое внимание будет уделено отношениям с «третьими странами», в т.ч. с Украиной. Заместитель министра иностранных дел М. Дассу подтвердила, что Европа должна стремиться к конструктивному диалогу с Россией в вопросах взаимоотношений с Украиной⁷². «Необходимо понимать роль истории в выборе Украины и в дальнейшем выборе этой страной своего пути. Поэтому мы должны находить возможность позитивного, конструктивного взаимодействия между Европой и Россией по этому вопросу»⁷³, – заявила Дассу.

В то же время итальянские интеллектуалы заявили о том, что будут выступать за то, чтобы вопрос соблюдения прав человека на Украине стал центральным во время итальянского семестра в ЕС⁷⁴.

По ходу дискуссии на саммите Восточного партнёрства премьер-министр Италии Э. Летта прокомментировал ситуацию следующим образом: «Украина должна иметь возможность выбирать: ЕС несколько не желает принуждать, и мы ожидаем, что Россия также не будет оказывать давления. Мы хотим установить отношения с Украиной с учётом требуемого подписания, надеюсь, скорого, и я желаю, чтобы это произошло в условиях полной свободы»⁷⁵. Он также добавил, что «противодействие между ЕС и Россией не поможет никому»⁷⁶. Похожие слова премьер произнёс после российско-итальянского саммита в

⁷² EurActiv. Ucraina-Russia: la mediazione dell'Italia. URL: <http://www.euractiv.it/it/news/europa-orientale/8209-ucraina-russia-la-mediazione-dell-italia.html>.

⁷³ L'Huffington Post. L'Italia e la lezione Ucraina. URL: http://www.huffingtonpost.it/gianni-pittella/litalia-e-la-lezione-ucraina_b_4555871.html.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ EurActiv. Ucraina: Italia, no a match tra Ue e Russia. URL: <http://www.euractiv.it/it/news/europa-orientale/8237-ucraina-l-italia-resta-spettatrice.html>.

⁷⁶ Ibid.

Триесте. Э. Бонино, глава итальянского МИД, в свою очередь, заявила о том, что к заключению соглашения между ЕС и Украиной необходимо двигаться шаг за шагом, что является единственно верным путём⁷⁷.

В конце января 2014 г., после новой серии столкновений на Украине, председатель Совета министров Италии Э. Летта официально выразил беспокойство в связи со сложившейся обстановкой в стране, назвав её недопустимой, и призвал остановить насилие, вернувшись к диалогу. «Европейский Союз не может принять столь драматическое развитие событий», – заключил итальянский премьер⁷⁸.

Таким образом, Италия, в целом поддерживая позицию Брюсселя, стремится сохранить особые отношения с Россией. Такая позиция Италии вписывается во внешнеполитическую стратегию страны периода Второй республики – начиная с середины 90-х гг. XX в. Италия постоянно акцентирует свою особую роль как в региональной, так и в глобальной политике, отказываясь от традиционного самовосприятия как «средней державы» в рамках ЕС, позиционируя себя в качестве «связующего звена» между различными полюсами мировой политики (например, между Европой и Россией, между Европой и Средиземноморьем и Ближним Востоком).

Р. Проди, бывший итальянский премьер и убеждённый европеист, вспоминает о том, что на встрече в Триесте сказал В. Путину следующее: «Украина действительно является естественным «мостом», какой смысл имеет ссориться, когда есть возможность прийти к соглашению? Европа зависит от России энергетически, но Россия не сможет стать полностью современной страной без уз с Европой»⁷⁹.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Governo Italiano. Ucraina, dichiarazione del Presidente del Consiglio. URL: <http://www.governo.it/Presidente/Comunicati/dettaglio.asp?d=74545>.

⁷⁹ EurActiv. Ucraina: Italia, no a match tra Ue e Russia. URL: <http://www.euractiv.it/it/news/europa-orientale/8237-ucraina-l-italia-resta-spettatrice.html>.

**В 2012–2013 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Языковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.
286. Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. Под ред. Ал.А.Громыко, Т.Т.Тимофеева. ДИЕ РАН № 286, М., 2012 г.
287. Что Россия ждёт от Европейского союза? Под ред. Н.Б.Кондратьевой. ДИЕ РАН № 287, М., 2013 г.
288. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
289. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
290. Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим. Под ред. А.А.Языковой. ДИЕ РАН № 290, М., 2013 г.
291. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 291, М., 2013 г.
292. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 292, М., 2013 г.
293. Е.В.Ананьева. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму». ДИЕ РАН № 293, М., 2013 г.
294. Германия. 2012. Часть I. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 294, М., 2013 г.
295. Германия. 2012. Часть II. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 295, М., 2013 г.
296. Глобальные риски XXI века: пределы регулирования. Под ред. Н.П.Шмелёва и др. ДИЕ РАН, № 296, М., 2013 г.
297. Ю.И.Рубинский. Ценностные ориентиры Европы. ЮИЕ РАН, № 297, М., 2013 г.
298. А.Д.Хайтун. Россия на европейском энергетическом рынке. Часть I. ДИЕ РАН, № 298, М., 2013 г.
299. А.Д.Хайтун. Россия на европейском энергетическом рынке. Часть II. ДИЕ РАН, № 299, М., 2013 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2012–2013

283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, M., 2012.
284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, M., 2012.
285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, M., 2012.
286. Changes in Europe: are alternatives possible. Ed. by Al.A.Gromyko, T.T.Timofeev. Reports of the IE RAS, № 286, M., 2012.
287. What does Russia expect from the European Union? Ed. by N.B.Kondratyeva. Reports of the IE RAS, № 287, M., 2013.
288. Global imbalances and world economy crises. Part I. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 288, M., 2013.
289. Global imbalances and world economic crisis. Part II. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 289, M., 2013.
290. South-Eastern Europe: between the past and the future. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 290, M., 2013.
291. Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 291, M., 2013.
292. Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 292, M., 2013.
293. E.V.Ananieva. From New Labour to Progressive Conservatism. Reports of the IE RAS, № 293, M., 2013.
294. Germany. 2012. Part I. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 294, M., 2013.
295. Germany. 2012. Part II. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 295, M., 2013.
296. Global risks in the XXI century: limits of regulation. Ed. by N.P.Shmelev and others. Reports of the IE RAS, № 296, M., 2013.
297. Yu.I.Rubinski. Main trends of the European values. Reports of the IE RAS, № 297, M., 2013.
298. A.D. Haitun. Russia on the European Energy Market. P. I. Reports of the IE RAS, № 298, M., 2013.
299. A.D. Haitun. Russia on the European Energy Market. P. II. Reports of the IE RAS, № 299, M., 2013.